

Убить легко

Автор:

[Агата Кристи](#)

Убить легко

Агата Кристи

Суперинтендант Баттл #4

Отставной полицейский Люк Фицвильям следовал поездом в Лондон. В дороге он разговорился со своей попутчицей, пожилой дамой по фамилии Пинкертон, и выяснилось, что та едет в Скотланд-Ярд – рассказать о серии убийств, совершенных в ее городке Вичвуд-андер-Эш. Люк, в глубине души посмеявшись над впечатлительной провинциалкой, не поверил ни одному ее слову. Однако ему пришлось резко изменить свое мнение, когда через некоторое время он узнал, что мисс Пинкертон сбил автомобиль. И Люк поехал в Вичвуд, чтобы расследовать это дело. Но вряд ли у него получилось бы справиться с этой непростой задачей, если бы к делу не подключился суперинтендант Баттл...

Агата Кристи

Убить легко

© Юркан М.Ю., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Посвящается Розалинде и Сьюзан, первым двум критикам этой книги

Глава 1

Попутчица

Англия!

Англия после многолетней службы в чуждом мире!

Сумеет ли он вновь приобщиться к ее жизни?

Спускаясь по сходням на пристань, Люк Фитцвильям задавался этим вопросом. Тот подсознательно крутился у него в голове во время прохождения таможенного досмотра – и внезапно озадачил, когда Люк, в итоге сойдя с парохода, сел в поезд, следующий из порта в столицу.

Одно дело – провести в Англии отпуск. Полно денег (по крайней мере, поначалу) для разгульной жизни, общение со старыми друзьями, встречи с такими же отпускниками в легкомысленной атмосфере и досужие беззаботные мысли: «Ладно уж, праздники не продлятся долго... Надо же иногда и жизнью насладиться! Скоро ведь опять придется возвращаться на службу...»

Но теперь вопрос возвращения отпал. Не будет больше знойных и душных ночей, ослепительного солнца и буйной красоты тропической природы; больше никаких одиноких вечеров, проведенных за чтением и перечитыванием старых номеров «Таймс». Теперь, выйдя на заслуженную пенсию и скопив приличное состояние, он возвращается в Англию свободным уважаемым джентльменом. А что, собственно, он будет делать тут со своей свободой?

Англия! Июньская Англия под серым небом, продуваемая резким пронизывающим ветром... Ничего не скажешь, «радушный прием»! Да и сами англичане... Силы небесные, сколько же их! Толпы, и лица у всех такие же

серые, как небеса, – встревоженные, озабоченные люди. И дома их, растущие повсюду, точно грибы... Грязные домишки! Отвратительные домишки. Все пригороды, казалось, застроены исключительно претенциозными курятниками!

Люк Фитцвильям с трудом отвел глаза от мелькавшего за окнами поезда пейзажа и сосредоточился на просмотре только что купленных газет: свежих номеров «Таймс», «Дейли клэрион» и «Панч».

Он начал с «Дейли клэрион». Там подробно описывались события на скачках в Эпсоме[1 - Эпсомские скачки – популярные ежегодные скачки в г. Эпсом, проводящиеся там с 1780 г.].

«Какая жалость, – подумал Люк, – что мы не прибыли на день раньше. С девятнадцати лет я не видел королевских скачек».

Его внимание привлекла кличка одной лошади Жокей-клуба[2 - Жокей-клуб был основан в Англии для разведения и селекции чистокровных лошадей, объединив как отдельные организации, так и частных владельцев лошадей.], и он посмотрел, как оценивает ее шансы обозреватель скачек «Клэриона». Но обнаружил лишь, что ее не сочли даже достойной упоминания. «Среди прочих, – писал обозреватель, – вряд ли смогут претендовать на призовое место Джуджуби Вторая, Маркс Майл, Сантони и Джерри-бой. Наиболее вероятным аутсайдером...»

Но Люка решительно не интересовал вероятный аутсайдер. Его взгляд переместился на сделанные ставки. Шансы Джуджуби Второй составляли скромненькие 40 к 1.

Люк глянул на часы. Без четверти четыре. «Все равно, – подумал он, – уже поздно». Жаль, что не успел поставить на Клэриголд, ведь та считалась вторым фаворитом...

Отложив «Клэрион», Люк развернул «Таймс» и углубился в более серьезные темы. Ненадолго, однако, поскольку оживленного вида полковника, сидевшего в углу напротив, так разъярило прочитанное, что он невольно выплеснул свое негодование на соседа. Битые полчаса вояка без устали на разные лады поносил «этих проклятых коммунистических горлопанов».

Теперь же полковник наконец уgomонился и задремал, забыв даже закрыть рот. Вскоре поезд замедлил ход и остановился. Люк выглянул в окно. Они прибыли на безлюдную узловую станцию с многочисленными перронами. Чуть дальше на платформе Фитцвильям заметил книжный киоск с зазывным объявлением: «Результаты дерби». Открыв дверь вагона, Люк выскочил на перрон и побежал к этому киоску. Через мгновение он уже с широкой усмешкой разглядывал первые, с едва просохшей типографской краской строчки последних известий:

Результаты дерби

Джуджуби Вторая

Мазепа

Клэриголд

Люк довольно ухмыльнулся. Сотни фунтов на ветер! Победила славная старушка Джуджуби Вторая, так презрительно обойденная всеми этими хитроумными «жучками», как издавна прозвали информаторов на скачках.

Все еще усмехаясь, он сложил газету и, обернувшись... увидел пустой перрон. Взмолванный победой Джуджуби Второй, Люк не заметил, как его поезд укатил со станции.

– Когда, черт побери, успел уехать этот поезд? – спросил он угрюмого носильщика.

– Какой поезд? – удивился последний. – С трех четырнадцати здесь не останавливалось никаких поездов.

– Да только что останавливался поезд! Я сошел с него. Экспресс из порта.

– Портовый экспресс не останавливается нигде до самого Лондона, – строго ответил носильщик.

- Но ведь остановился же, - уверенно заявил Люк. - Я только что вышел из него.

- Не останавливается нигде до самого Лондона, - невозмутимо повторил носильщик.

- Да говорю же вам, он остановился на этой самой платформе, и я вышел из него!

Учитывая факты, носильщик изменил свои доводы.

- Вам не следовало выходить, - осуждающе произнес он. - Экспресс тут не делает остановки.

- Но остановился же.

- Просто притормозил перед семафором, только и всего. Ждал зеленого света. А это вовсе не то, что называется «остановкой».

- Я не такой знаток тонких железнодорожных понятий, как вы, - признал Люк. - Вопрос теперь в том, что мне делать дальше?

- Вам не следовало выходить тут, - укоризненно повторил носильщик, явно не отличавшийся особой сообразительностью.

- Это уже понятно, - согласился Люк. - Ошибка сделана, непоправимая... и как бы горько мы ни рыдали, прошлое нам не вернуть. «Молвил Ворон: "Никогда"...»[3 - Цитата из стихотворения Э.А. По «Ворон», пер. Д. Мережковского.]. Не в силах я вычеркнуть скорбные строки своей судьбы... ну и так далее[4 - Имеется в виду 349-е четверостишие из «Рубайяты», приписываемой О. Хайяму:Если б я властелином судьбы своей стал,Я бы всю ее заново перелисталИ, безжалостно вычеркнув скорбные строки,Головою от радости небо достал!(Пер. Г. Плисецкого)]. И теперь я лишь пытаюсь узнать, что вы, человек, сведущий в делах этой железнодорожной компании, посоветуете мне делать?

- Так вы спрашиваете, что вам лучше сделать?

– Вот именно! – возрадовался понятливости собеседника Люк. – Ведь есть же, смею предположить, поезда, которые законно делают остановки на этой станции?

– Законно... есть, – откликнулся носильщик. – Лучше всего вам сесть на тот, что останавливается у нас в четыре двадцать пять.

– Если он следует до Лондона, – заметил Люк, – то меня этот поезд действительно устроит.

Удовлетворившись данными сведениями, Фитцвильям начал прогуливаться по платформе. Большой информационный щит поведал ему, что он оказался на пересадочной станции Фенни-Клейтон, куда прибывали также поезда из Уичвуд-андер-Эш. Через некоторое время поезд, состоявший из одного вагона, подталкиваемый сзади допотопным паровозом, выбрасывающим клубы пара, медленно подкатил к одному из коротких перронов и скромно замер. Человек шесть или семь, выйдя из вагона, перешли по раскинувшемуся над путями мосту и присоединились к Люку на платформе. Угрюмый носильщик вдруг оживился и начал толкать вдоль перрона тележку, нагруженную ящиками и корзинами, а вскоре к нему присоединился и второй носильщик, грохоча молочными бидонами. Жизнь на станции Фенни-Клейтон заметно оживилась.

Наконец с безмерной важностью прибыл лондонский поезд. Вагоны третьего класса были битком забиты народом, а первый класс обеспечивали всего три вагона, и в каждом сидело по одному или по паре пассажиров. Люк решил критически оценить каждое купе. В первом – «для курящих» – попыхивал сигарой господин с военной выправкой. Люк подумал, что на сегодня ему хватило общения с англо-индийскими полковниками. Достигнув следующего купе, он заметил там претенциозную молодую особу, вероятно, гувернантку, и весьма активного мальчика лет трех от роду. Люк быстро прошел дальше. Дверь следующего купе уже открыли; там сидела всего одна пассажирка, пожилая дама. Она напомнила Люку одну из его тетушек, а именно тетушку Милдред, которая когда-то отважно разрешала ему, десятилетнему племяннику, держать ужа. Тетушка Милдред бесспорно относилась к славным и добрым старушкам. Войдя в купе, Люк спокойно занял свободное место.

После пяти минут бурной деятельности, связанной с погрузкой молочных бидонов и разнообразных ящиков, и прочей деловитой дорожной суеты поезд медленно отъехал от станции. Люк развернул газету и приступил к поиску

мелких новостей, которые могли заинтересовать человека, уже ознакомившегося мельком с материалами утренней газеты.

Он не надеялся на продолжительное чтение. Имея многочисленных тетушек, Люк практически не сомневался, что милая пожилая дама, расположившаяся у окна напротив него, не собирается хранить молчание до самого Лондона. И он не ошибся – вскоре понадобилось приоткрыть окно, потом поднять упавший зонтик, – и между словами благодарности пожилая попутчица поделилась с ним своим мнением относительно удобства этого поезда:

– И ведь идет всего час и десять минут. Просто отлично, знаете ли, право, отлично. Гораздо удобнее утреннего – тот тащится на полчаса дольше... Разумеется, почти все предпочитают ехать утром, – вздохнув, продолжила она. – Это и понятно: если есть возможность проехать подешевле, то глупо ждать более дорогого дневного поезда. Я и сама хотела ехать утром, но сбежал Пушок... это мой кот, перс, настоящий красавец; правда, недавно у него заболело ушко... и разумеется, я не могла уйти из дома, пока он не нашелся!

– Разумеется, не могли, – пробурчал Люк и вновь с нарочитой озабоченностью уставился в газету.

Но тщетно – словесный поток продолжал неумолчно журчать.

– В общем, я стойко перенесла эту неприятность и отправилась на дневной поезд, что, разумеется, с одной стороны, даже лучше, поскольку он не такой многолюдный... хотя это не имеет никакого значения, если путешествовать первым классом. Разумеется, обычно я не покупаю такие билеты. То есть мне следовало быть менее расточительной, учитывая растущие налоги и убывающие дивиденды, более чем нескромное жалованье прислуге и прочие расходы... Но, право, я так расстроилась, видите ли, собравшись съездить по крайне важному делу... и мне ведь еще хотелось хорошенько обдумать, что я скажу... просто спокойно обдумать, понимаете... – Люк подавил улыбку. – К тому же, когда вокруг много попутчиков... впрочем, не стоит настраивать себя враждебно... словом, я решила, что хоть разок такая трата вполне позволительна... хотя, по моему, нынче все так много тратят... никто не экономит, никто не задумывается о будущем. Кое-кто даже сожалеет, что отменили вагоны второго класса... они, конечно, мало чем отличались... Разумеется, – быстро прибавила пожилая дама, бросив беглый взгляд на загорелое лицо Люка, – я понимаю, что военные в отпуске просто должны путешествовать первым классом. Понятно, ведь от

молодых офицеров как раз и ждут подобного щегольства...

Люк выдержал любопытный взгляд пары сообразительных блестящих глаз. И сразу капитулировал. Все именно к этому и шло, понял он в итоге.

– Я не служу в армии, – признался Фитцвильям.

– О, простите. Я не имела в виду... просто подумала... вы такой загорелый... вероятно, вернулись на родину в отпуск с Востока.

– Верно, я возвращаюсь с Востока, – подтвердил Люк, – но не в отпуск. – И исключил дальнейшие домыслы прямым заявлением: – Я служил в полиции.

– В полиции? Неужели? Как интересно! У меня есть одна близкая подруга... так вот, ее сын совсем недавно отправился служить в полицию Палестины.

– Мне довелось служить в Майянг-Стрейтс, – пояснил Люк, вновь предваряя возможный вопрос.

– О, боже... как интересно. Право, это уникальное совпадение... то есть то, что вы тоже сели в этот вагон. Поскольку, видите ли, дело, по которому я собралась в город... в общем, на самом деле я еду в Скотленд-Ярд.

– Надо же? – удивился Люк, подумав про себя: «Интересно, быстро ли иссякнет ее словоохотливость, или она будет болтать до самого Лондона?»

Но на самом деле это мало волновало его, поскольку он очень любил свою тетушку Милдред и, кстати, вспомнил, как однажды она очень вовремя ссудила ему пять фунтов. Кроме того, от пожилых дам, подобных его попутчице и тетушке Милдред, веяло родным и славным английским уютом. В Майянг-Стрейтс их попросту не встретишь. Зато их облик отлично ассоциировался с роскошным рождественским пудингом, с жизнерадостным деревенским крикетом и с уютно потрескивающими в камине дровами. Живя на чужбине, на другом краю земли, вы начинаете очень ценить такие вещи. (Впрочем, если привычного уюта слишком много, то он так же быстро наскучивает, но ведь Люк, как уже говорилось, вернулся в Англию всего лишь три или четыре часа тому назад.)

– Да, я как раз и собиралась туда нынче утром, – воодушевленно продолжила пожилая дама, – а потом, как я говорила вам, расстроилась из-за своего Пушкина... Но, может, вы полагаете, что будет слишком поздно? Я имею в виду, принимают ли в Скотленд-Ярде целый день, или только в какие-то специальные часы?

– Не думаю, что они закрываются в четыре часа или тому подобное время, – заметил Люк.

– Нет, безусловно, не могут же они так рано закрыться? То есть кому-то ведь в любую минуту может понадобиться сообщить о тяжком преступлении, верно?

– Верно, верно, – согласился Люк.

Пожилая леди задумчиво помолчала. Она выглядела встревоженной.

– По-моему, всегда лучше сразу обращаться непосредственно в главное управление, – заявила наконец старушка. – Джон Рид – весьма приятный парень... он служит констеблем у нас в Уичвуде – на редкость вежливый и воспитанный... но я не уверена, понимаете, что ему по силам справиться с серьезным расследованием. Обычно он разбирается лишь с подвыпившими дебоширами да нарушителями, превысившими скорость или забывшими включить фары... или с владельцами собак, поленившимися оформить регистрационное свидетельство; вероятно, ему по зубам даже кража со взломом. Но я не думаю... я даже вполне уверена, что он не тот, кто сумеет расследовать убийства!

Люк вскинул брови.

– Убийства?

Старушка решительно кивнула.

– Именно, убийства. Вы удивлены, как я вижу. Я и сама поначалу никак не могла поверить этому. Думала, что у меня, должно быть, просто разыгралось воображение.

– А вы уверены, что не разыгралось? – мягко спросил Люк.

– О нет, – она с убежденностью покачала головой. – Воображение могло подвести меня в первый раз, но не во второй, или в третий, или в четвертый. И кто знает, сколько жертв еще будет...

– Вы подразумеваете, что произошло... э-э... несколько убийств?

Тихий кроткий голос ответил:

– Боюсь, уже порядочное количество. Вот почему я и надумала ехать прямо в Скотленд-Ярд и рассказать там обо всем. Разве вы не думаете, что это самое верное решение?

Задумчиво посмотрев на нее, Люк медленно произнес:

– Пожалуй, да... полагаю, вы совершенно правы.

«Ладно, – подумал он, – там быстро сообразят, как ее успокоить. Вероятно, к ним является с полдюжины пожилых дам в неделю, болтая о разнообразных смертоубийствах, совершенных в их славных тихих городках! Возможно, даже уже создали специальный отдел для приема заявлений от таких милых беспокойных старушек...»

И он живо представил, как по-отечески заботливый суперинтендант или миловидный молодой инспектор тактично воркует: «Благодарю вас, сударыня, право, мы крайне признательны вам. Теперь вы можете спокойно вернуться домой, предоставив нам самим во всем разобраться. Вам не о чем больше тревожиться».

Люк мысленно усмехнулся, вообразив эту сцену.

«Интересно, с чего у них возникают подобные фантазии? – подумал он. – Наверное, смертельная скука их жизни порождает тайную... жажду трагедии. Некоторым старушкам, насколько я слышал, представляется, что все окружающие норовят отравить их еду...»

Высокий тихий голос вывел его из размышлений.

– А вы знаете, помнится, как раз недавно я читала... речь там шла, по-моему, о деле Аберкромби... точно, он отравил множество людей, прежде чем возникло хоть какое-то подозрение... к чему же я это вспомнила? Ах, да, в статье говорилось что-то о сглазе... якобы этот злодей бросал на людей особый взгляд... и вскоре после этого они заболевали. Честно говоря, мне раньше думалось, что это пустые выдумки... но оказалось, что так и вправду бывает!

– Что бывает?

– Да такой особый взгляд у человека...

Люк пристально взглянул на нее. Старушка слегка дрожала, и ее румяные щеки заметно побледнели.

– Впервые я заметила его перед историей с Эми Гиббс... и вскоре она умерла. А до этого погиб Картер. И Томми Пирс. Но теперь... вчера... такого взгляда удостоился доктор Хамблби... а он ведь на редкость порядочный человек... право, на редкость порядочный. Картер, конечно, пьянчужка, а Томми Пирс – хулиганистый и дерзкий мальчишка, издевался над младшими, щипал их, выкручивал им руки... Из-за них я не очень сильно переживала, но с доктором Хамблби дело обстоит совсем иначе. Его надо спасать. А самое ужасное, что если б я пришла к нему и рассказала об этом, то он не поверил бы мне! Наверное, просто посмеялся бы... И Джон Рид тоже не поверил бы мне. Но в Скотленд-Ярде, надеюсь, к моим словам отнесутся более серьезно. Ведь там, естественно, привыкли разбираться в серьезных преступлениях!

Пожилая дама глянула в окно.

– О боже, мы подъезжаем! – Она слегка занервничала, суетливо открыла и закрыла сумочку, потом принялась искать свой зонтик. – Благодарю... я вам крайне признательна, – порывисто произнесла старушка, когда Люк второй раз поднял упавший на пол зонтик. – Поговорив с вами, я испытала настоящее облегчение... вы очень любезны, право... я так рада, что вы одобрили мои намерения...

– Я уверен, – вежливо ответил Фитцвильям, – что в Скотленд-Ярде вам дадут разумный совет.

– Право, я очень вам благодарна. – Она порылась в сумочке. – Моя визитка... о боже, у меня с собой всего одна карточка... мне надо сохранить ее... для Скотленд-Ярда...

– Конечно, конечно...

– Но позвольте представиться; меня зовут Лавиния Пинкертон.

– На редкость уместная фамилия, мисс Пинкертон[5 - Алан Пинкертон (1819-1884) – знаменитый американский сыщик, наиболее известен как основатель детективного агентства Пинкертона.], – с улыбкой произнес Люк и, увидев ее смущение, быстро добавил: – Меня зовут Люк Фитцвильям, – и поскольку поезд уже подъехал к платформе, вежливо предложил: – Поймать для вас такси?

– О, нет-нет, благодарю вас... – Казалось, мисс Пинкертон поразило его предложение. – Лучше я поеду на метро. Выйду на Трафальгарской площади и прогуляюсь до Уайтхолла.

– Что ж, удачи вам, – произнес на прощание Люк.

Мисс Пинкертон сердечно пожала ему руку.

– Вы так добры, – опять пробормотала она. – Видите ли, сначала я подумала, что вы не поверили мне.

Люк, надо отдать ему должное, слегка покраснел.

– Ну, – смущенно протянул он, – слишком уж много убийств! На мой взгляд, трудно безнаказанно, не вызывая никаких подозрений, совершить столько...

– Ну что вы, мой юный друг, тут вы ошибаетесь, – решительно покачав головой, возразила мисс Пинкертон. – Убивать ужасно легко... по крайней мере до тех пор, пока никто не подозревает о ваших грехах. Более того, человека, совершившего эти убийства, менее всего можно заподозрить хоть в чем-то предосудительном!

– Что ж, в любом случае желаю вам удачи, – повторил Люк.

Мисс Пинкертон затерялась в толпе. А сам Фитцвильям отправился на поиски своего багажа, раздумывая по пути: «Неужели старушка слегка спятила? Нет, не похоже... Просто у нее излишне богатое воображение. Надеюсь, они отнесутся к ней снисходительно. Весьма симпатичная особа».

Глава 2

Краткий некролог

I

Джимми Лорример был одним из ближайших старых друзей Люка. Само собою разумелось, что, приезжая в Лондон, Люк останавливался у него. И нынче вечером после прибытия именно с Джимми он отправился на поиски развлечений. А на следующее утро с больной головой именно Джимми заварил им кофе, и именно призывы Джимми оставались без ответа, пока Люк читал и перечитывал краткую сухую заметку в утренней газете.

– Извини, Джимми, – наконец произнес он, вздрогнув и приходя в себя.

– Что тебя так поразило... политическая обстановочка?

Люк усмехнулся.

– Ничего подобного! Нет, но есть весьма подозрительное и странное совпадение... задавили одну симпатичную пожилую даму, с которой я ехал вчера в одном поезде.

– Вероятно, не глядя по сторонам, доверилась «маяку Белиши»[6 - Так назывались уличные фонари – желтый мигающий шар на полосатом черно-белом столбе – по имени министра транспорта барона Лесли Гор-Белиши (1893–1957), по приказу которого в тридцатые годы и установили эти знаки в местах

перехода.], – бросил Джимми. – Но откуда ты знаешь, что сбили именно ее?

– Совпадение, разумеется, возможно. Мне запомнилась ее фамилия, Пинкертон... и вот именно особу с такой фамилией насмерть сбила машина, когда она переходила улицу Уайтхолл. Автомобиль не остановился.

– Скверная история.

– Да, жаль бедняжку... Очень жаль. Она напомнила мне мою славную тетушку Милдред...

– Естественно, водителю той машины грозило серьезное обвинение. Вполне вероятно, его могли посадить за непредумышленное убийство... Честно говоря, сидя за рулем в наши дни, я сам немею от страха.

– А на чем ты нынче катаешься?

– На «Форде V-8». И доложу тебе, мой мальчик...

Разговор перешел строго на обсуждение технических особенностей этого автомобиля. И вдруг Джимми, резко оборвав фразу, спросил:

– Что, черт побери, ты там бормочешь?

– «Тру-ля-ля, тру-ля-ля, муха вышла за шмеля»[7 - Строчка из популярных в Англии детских народных стишков, так называемых «Песенок матушки Гусыни».], – задумчиво напевал себе под нос Люк. – Да вспомнился почему-то один детский стишок, – извинившись, пояснил он. – Сам не пойму, с чего он пришел мне на ум.

II

Неделю спустя, небрежно просматривая первую полосу «Таймс», Люк вдруг потрясенно воскликнул:

– Ну и ну, будь я проклят!

– В чем дело? – удивленно спросил Лорример.

Фитцвильям безмолвствовал, задумчиво изучая какое-то напечатанное в газете имя.

Джимми повторил вопрос. Вскинув голову, Люк взглянул на друга. Странное выражение его лица совершенно потрясло Лорримера.

– Люк, да что ж там случилось? Ты выглядишь так, словно увидел привидение!

Минуту-другую в комнате царил молчание. Бросив газету, Фитцвильям прошелся до окна и обратно. Джимми с нарастающим удивлением следил за ним.

Наконец, упав в кресло, Люк напряженно подался вперед.

– Джимми, старина, ты помнишь, я говорил об одной пожилой даме, с которой ехал сюда в поезде... ну, в тот день, когда прибыл в Англию?

– Не та ли дама, которая похожа на твою тетушку Милдред? Ее еще, насколько мне помнится, в тот же день задавила машина?

– Точно. Слушай, Джимми. Эта старая дева всю дорогу болтала о таинственных убийствах, из-за которых она тащится в Скотленд-Ярд. В их городке объявился тайный разнузданный убийца... никто даже не подозревает, как лихо он приканчивает избранные им жертвы.

– Ты не говорил мне, что она слегка с приветом, – возразил Джимми.

– А я так и не думал.

– Да, брось ты, старина; какой уж там серийный убийца в...

– Я вовсе не думал, что она потеряла голову, – взволнованно перебил его Люк, – мне просто показалось, что у нее, возможно, слишком богатое воображение, какое бывает порой у скучающих старушек.

- Ну, вполне возможно, что у нее действительно разыгралось воображение. Но кроме этого, думается мне, она все-таки могла немного тронуться умом...

- Не важно, что думается тебе, Джимми. В данный момент важно, что скажу тебе я, понимаешь?

- Ну ладно... ладно... тогда объяснись.

- Она вполне обстоятельно поведала о паре жертв, назвав их по именам, а потом пояснила, что очень расстроилась, узнав, кто будет следующей жертвой.

- Правда? - ободряюще заметил Джимми.

- Иногда чья-то фамилия западает в память по какой-то нелепой причине. И эта фамилия запала мне в память, связавшись с глупым стишком, который я частенько напевал в детстве. «Тру-ля-ля, тру-ля-ля, вышла муха за шмеля».

- Чертовски мудреная связь, не сомневаюсь, но к чему ты клонишь?

- К тому, черт побери, мой милый недотепа, что фамилия того человека - Хамблби[8 - Устаревший вариант английского названия шмеля звучит как humblebee. В оригинале у автора, однако, стоит современное название - bumblebee; в любом случае, они фактически идентичны.]... доктор Хамблби. Та славная старушенция заявила, что следующей жертвой станет доктор Хамблби, и она жутко расстроилась, поскольку «он на редкость порядочный человек». Его-то фамилия и запала мне в голову из-за того, что рифмовалась с вышеупомянутым стишком.

- И что же дальше?

- А дальше взгляни сюда.

Люк передал ему газету, показав пальцем на строчку в колонке некрологов.

Хамблби. Тринадцатого июня в городке Уичвуд-андер-Эш, в своем доме «Сэндгейт» скоропостижно скончался доктор медицины Джон Эдвард Хамблби, возлюбленный супруг Джесси Роуз Хамблби. Похороны состоятся в пятницу, цветы нежелательны[9 - Традиционная просьба, завершающая некрологи, - намек на то, что лучше воздержаться от проявления видимых знаков скорби.].

- Теперь понимаешь, Джимми? Та же фамилия, тот же городок и... умерший доктор. Как тебе такой расклад?

Джимми задумчиво помолчал.

- Полагаю, - наконец произнес он серьезным, но весьма неуверенным тоном, - что это очередное чертовски странное совпадение.

- Совпадение, Джимми? Да неужели? Странное совпадение, только и всего? - Люк начал мерить шагами гостиную.

- А чем еще это может быть? - проворчал Джимми.

- Допустим, - задумчиво произнес Фитцвильям, внезапно развернувшись и пристально взглянув на друга, - каждое слово, сказанное тем славным божьим одуванчиком, было правдой! И допустим, что вся ее фантастическая история правдива, при всей своей буквальной неприглядности!

- Ох, да брось ты, старина! Это уж чересчур. Небывальщина какая-то...

- А как насчет дела Аберкромби? Разве хоть кто-то заподозрил его после первых же убийств?

- Нет, он удачно избегал подозрений, - согласился Джимми. - Кузен одного моего приятеля, местный коронер, как раз расследовал те убийства. От него я узнал кое-какие подробности. Аберкромби попался, накормив мышьяком местного ветеринара; потом эксгумировали его жену и обнаружили, что она тоже полна отравы; и вполне определенно, что точно так же отправился на тот свет его шурин... и это еще далеко не полный список жертв. По словам моего приятеля, неофициально подсчитали, что Аберкромби успел отравить по меньшей мере пятнадцать человек. Пятнадцать!

- Ничего себе! Следовательно, подобные истории все-таки бывают!

- Да, бывают, но такие случаи редки.

- Откуда ты знаешь? Они могут случаться гораздо чаще, чем ты можешь подумать.

- Ну, хватил! Это в тебе говорит профессиональный полицейский! Неужели ты не можешь забыть о своем «уголовном» прошлом? Ведь нынче ты вышел в отставку, так наслаждайся свободной личной жизнью!

- Видимо, полицейский всегда остается полицейским, - откликнулся Люк. - Короче, послушай, Джимми, давай предположим, что, прежде чем Аберкромби стал настолько безрассуден, чтобы откровенно продолжать свои убийства прямо под носом у полиции, какая-то милая и словоохотливая старая дева просто заподозрила его в преступных замыслах и потащила в компетентные органы, чтобы рассказать о своих подозрениях. Как ты думаешь, прислушались бы там к ее словам?

- Конечно, нет! - усмехнувшись, воскликнул Джимми.

- В том-то и дело. Они сочли бы, что у нее не все дома. Подобно тому, как ты и сам говорил... Либо они сказали бы: «Слишком богатое воображение. Маловероятно». Как говорил я... И оба мы, Джимми, могли ошибаться.

Подумав немного, Лорример сказал:

- Ну и как же тебе представляется... настоящая ситуация?

- Дело обстоит так, - задумчиво произнес Люк. - Мне рассказали странную историю - невероятную, но вполне возможную. Ее подтверждает одно доказательство - смерть доктора Хамблби. И также другое значительное событие. Мисс Пинкертон отправилась со своей невероятной историей в Скотленд-Ярд. Но она туда не дошла. Ее задавил насмерть водитель машины, скрывшийся с места преступления.

- Но ты не знаешь наверняка, что она туда не дошла. Ее могли убить не до, а после визита.

- Верно, могли... но мне кажется, что ей намеренно помешали дойти туда.

- Чистое предположение. Тебя послушать, так тут выходит целая детективная мелодрама...

Люк резко покачал головой.

- Нет, ничего подобного я не сказал бы. Я лишь полагаю, что есть повод провести расследование.

- Иными словами, теперь ты сам потащишься в Скотленд-Ярд.

- Ну, об этом думать рано... пока рано. Как ты и сказал, смерть этого Хамблби могла быть простым совпадением.

- Тогда о чем же, позволь спросить, ты думаешь?

- Думаю съездить в тот городок и попытаться самостоятельно разобраться в этом дельце.

- Но пока только думаешь, верно?

- А разве ты не согласен, что это единственный разумный ход?

- Ты что, всерьез собираешься заняться этим делом, Люк?

- Абсолютно.

- Но, допустим, вся эта история основана на иллюзиях...

- Это было бы самым лучшим исходом.

- М-да, разумеется... - Джимми нахмурился. - Но тебе так не кажется?

– Дорогой мой, я беспристрастен.

Лорример помолчал пару минут.

– И у тебя уже есть план? – наконец спросил он. – Я имею в виду, что тебе надо иметь какую-то причину для неожиданного приезда в то местечко.

– Да, наверное, есть.

– Нет, «наверное» там не пройдет. Ты представляешь, что такое жизнь маленького английского городка? Любого чужака видно невооруженным глазом!

– Тогда мне надо замаскироваться, – вдруг усмехнувшись, согласился Люк. – Что ты предлагаешь? Прикинуться художником? Вряд ли это возможно... я не умею рисовать, не говоря уже о живописи.

– Ты мог бы прикинуться модернистом, – предложил Джимми. – В этом стиле любую мазню можно назвать гениальной.

Но Люк подыскивал более приемлемое занятие.

– А что если взяться за сочинительство? – задумчиво спросил он. – Заезжают ли писатели в поисках вдохновения в незнакомые деревенские гостиницы? По-моему, могут. Или, может, прикинуться страстным рыболовом... правда, для начала надо выяснить, есть ли там поблизости речка. Или сыграть роль инвалида, которому прописали лечение на свежем деревенском воздухе... Хотя я не похож на немощного калеку, и вообще нынче таких страдальцев отправляют в богадельни. Я мог бы еще присматривать дом для покупки в той местности. Но это тоже как-то не слишком правдоподобно... Черт побери, Джимми, должна же быть хоть какая-то благовидная причина для общительного парня, пожелавшего заехать в английскую глубинку!

– Секундочку... дай-ка мне еще разок взглянуть на тот некролог.

Взяв газету, Лорример бегло просмотрел объявление и торжествующе заявил:

– Придумал! Люк, старина... скажу коротко: я сумею отлично устроить тебя там. Запросто!

Фитцвильям изумленно взглянул на друга.

– И как же?

– Название городка сразу вызвало у меня смутные воспоминания, – продолжил Джимми со скромной гордостью. – Уичвуд-андер-Эш... Точно! То самое славное местечко!

– Неужели твой очередной приятель водит дружбу с тамошним коронером?

– На сей раз приятели ни при чем. Гораздо лучше, парень. Богатая родословная, как тебе известно, в изобилии одарила меня тетушками, кузенами и кузинами... в семье моего батюшки народилось тринадцать детей. Так вот: один мой родственник живет как раз в Уичвуд-андер-Эш.

– Джимми, черт, ты просто чудо!

– Родственники бывают весьма полезны, – скромно согласился Лорример.

– Так что за родственник? Рассказывай.

– Родственница. Мою кузину зовут Бриджит Конуэй. Последние года два она работала секретаршей у лорда Уитфилда.

– Уж не владельца ли тех мерзких еженедельных газетенок?

– Угадал. Он и сам довольно мерзкий типчик! Напыщенный, надутый индюк... Родился, видишь ли, в этом самом Уичвуд-андер-Эш. Он принадлежит к той братии снобов, которые так кичатся своим скромным происхождением и воспитанием, что готовы пристать к вам с ножом к горлу, доказывая, что всего в жизни добились исключительно собственными трудами и талантами... В общем, он вернулся в свой родной городок, прикупил единственное большое имение в той округе (изначально, кстати, оно принадлежало семье Бриджит) и занялся перестройкой особняка, желая сотворить на этой земле «образцовое поместье».

- А твоя кузина – его секретарша?

- Была, – мрачно буркнул Джимми. – Теперь она устроилась получше. Они помолвлены!

- Надо же! – с легким удивлением воскликнул Люк.

- Оно и понятно, – заметил Лорример, – завидный жених, купается в деньгах... С Бриджит случилась печальная история: один парень бросил ее... выбил, если можно так выразиться, из нее весь романтический настрой. Смееу сказать, это прекрасно промывает мозги. Вероятно, она возьмет нового женишка в оборот, и он будет у нее как шелковый.

- И с чего вдруг я к ним заявлюсь?

- Да, ты просто-напросто будешь жить у них, – с готовностью ответил Джимми, – станешь очередным кузеном. У Бриджит их такая прорва, что одним больше, одним меньше – не имеет значения. Я легко договорюсь с ней обо всем. Мы отлично понимаем друг друга. А теперь подумаем над поводом для твоего появления... как тебе понравится колдовство, мой друг?

- Колдовство?

- Ну, фольклор, местные суеверия... и прочее в таком роде. Уичвуд-андер-Эш[10 - Букв.: ведьмин лес, покрытый пеплом (англ.).] имеет солидную репутацию в данной сфере. Одно из последних местечек, где проводились шабаши... в прошлом веке там еще сжигали ведьм... в общем, богатейшие традиции. Скажем, ты решил написать книгу. Задумал найти связи обычаев Майянг-Стрейтс со старым английским фольклором... так сказать, выявить сходство и различие. Ну, ты понимаешь, что я имею в виду. Будешь разгуливать по городку с блокнотом, общаться со старожилами и записывать их истории о местных обычаях и суевериях... Они там привыкли к такого рода интересу, а ежели ты еще и поселишься в Эш-мэнор, то авторитет тебе будет гарантирован.

- А как отнесется к этому лорд Уитфилд?

– С ним все будет в порядке. Он исключительно малообразован и легковверен, как дитя, – действительно верит всему, что читает в своих собственных газетах. В любом случае Бриджит его подготовит. С головой у моей кузины все в порядке, она легко все устроит. Готов поручиться за нее.

Люк глубоко вздохнул.

– Джимми, старина, на вид все кажется удивительно просто. Ты кудесник. Если нам и вправду удастся сговориться с твоей кузиной...

– Все будет в полном порядке. Предоставь это мне.

– Я буду тебе безмерно благодарен.

– А я лишь попрошу тебя: если ты выследишь какого-то одержимого убийцу, позволь мне присутствовать на его казни! – воскликнул Джимми и вдруг, глянув на озабоченного Люка, добавил: – В чем дело, дружище?

– Просто мне вспомнилось то, что сказала та пожилая дама. Я заметил ей, что довольно трудно совершить так много убийств, не вызвав ни у кого подозрений, а она заявила, что я ошибаюсь... что убивать очень легко... – Он помедлил и нерешительно закончил: – Хочется ли мне узнать правду, Джимми? Хочется ли...

– Какую правду?

– Легко ли убивать...

Глава 3

Ведьма без помела

Под сияющими лучами солнца Люк забрался на холм, высившийся над долиной Уичвуд-андер-Эш, главного города графства. Подержанный автомобиль «Стандард Своллоу» успешно довез его до цели путешествия, и сейчас Люк решил осмотреться и, притормозив на пологой террасе вершины, заглушил мотор.

Летний день выдался теплым и солнечным. В низине раскинулся городок, на удивление не затронутый новомодными веяниями архитектуры. У подножия холма Эш, под нависающей скальной террасой, в каком-то блаженном покое нежилась в солнечном свете поселение, состоявшее, по-видимому, всего из одной извилистой улицы. Городок выглядел необычайно далеким от цивилизации и на редкость благодушным в своей исконной первозданности.

«Вероятно, я обезумел, – подумал Фитцвильям. – Вся эта история совершенно нереальна». Неужели он действительно приехал сюда выслеживать какого-то убийцу, основываясь лишь на бессвязной болтовне говорливой старушки да на случайно замеченном в газете некрологе?

Люк скептически покачал головой.

– Такого попросту не бывает, – пробормотал он, – или все-таки... бывает? Люк, мальчик мой, тебе придется выяснить, то ли ты мировой рекордсмен в состязании легковых дураков, то ли твой нюх полицейского ведет тебя по горячему следу...

Он опять завел мотор, выжал сцепление и, осторожно спустившись по извилистой дороге, выехал на главную городскую улицу.

Уичвуд-андер-Эш, как упоминалось выше, состоял практически из одной главной улицы. Лавочки и георгианские домики, чопорные и аристократичные, с чисто выскобленными крылечками и отполированными дверными молотками, перемежались живописными коттеджами с цветниками. За зеленым сквером, чуть отступив от проезжей части улицы, высился фасад небольшой гостиницы «Шут и колокол»[11 - Это заведение встречается в сборнике ранних рассказов А. Кристи «Таинственный мистер Кин». – Прим. ред.]. Имелись также живописный сквер и утиный пруд, а за ними возвышался величественный особняк в георгианском стиле, который, как подумалось сначала Люку, и являлся местом его назначения – Эш-мэнором. Но при ближайшем рассмотрении он увидел

красочный рекламный щит, сообщавший, что там разместились музей и библиотека. За ним белело какое-то строгое современное строение, смотревшееся точно белая ворона на фоне яркой и живой стилевой беспорядочности остальных городских домов. Там, как догадался Люк, находились местное общественное заведение и мужской клуб.

Тут он и решил остановиться, чтобы уточнить дорогу к искомому дому.

Ему сказали, что до Эш-мэнора надо еще проехать около полумили, и тогда справа он увидит ворота этого поместья.

Люк продолжил путь. Он легко заметил новые железные ворота с вычурными коваными украшениями. Проезжая по изгибающейся подъездной аллее, Фитцвильям разглядел сквозь зеленые кроны деревьев какое-то краснокирпичное здание и, оказавшись перед фасадом, остолбенел при виде открывшихся его взору зубчатых стен, украшавших устрашающе нелепую твердыню старинного замка.

Пока он созерцал это подобие ночного кошмара, солнце скрылось за облаком. И внезапно у него появилось ощущение угрозы, исходящей от вздымающегося над городком холма. Налетевший порыв ветра взметнул ветви деревьев, и в тот же момент из-за угла жуткого замка появилась девушка.

Ветер взметнул также и ее черные волосы, и Люку мгновенно вспомнилась когда-то виденная картина – «Ведьма» Невинсона [12 - Кристофер Ричард Вيني Невинсон (1889–1946) – английский художник, известный представитель авангарда начала XX в.]. Удлиненное бледное лицо с тонкими чертами, взметнувшиеся к звездам черные волосы. Он буквально представил себе, как эта черноволосая красотка подлетает на помеле к луне...

Она направилась прямо к нему.

– Вы, должно быть, Люк Фитцвильям. А я – Бриджит Конуэй.

Он пожал протянутую руку «кузины» – и тогда увидел ее в реальном свете, а не в причудливом образе, навеянном неожиданной фантазией. Высокая и стройная фигура, яркие черные глаза украшали обрамленное черными волосами узкое лицо с тонкими чертами и слегка впалыми щеками. «Она словно сошла с

изящной гравюры, – подумал Люк, – трогательной и прекрасной».

Возвращаясь домой в Англию, Фитцвильям извлек из глубин памяти общепризнанные образы идеальной англичанки – образы румяной и загорелой английской девушки; вот она поглаживает гриву лошади, потом склоняется над сорняками цветочного бордюра из многолетних цветов, или сидит у камина, протягивая руки к полыхающим в топке дровам. В общем, ему виделись теплые, согревающие душу образы...

А теперь – еще не понимая, понравилась ли ему Бриджит Конуэй, – он осознал, что те хранившиеся в душе образы задрожали и распались, показавшись вдруг бессмысленными и глупыми...

– Здравствуйте, – сказал он. – Я должен извиниться за свою столь неожиданную навязчивость. Но Джимми заверил меня, что я вам не помешаю.

– О, безусловно. Мы очень рады, – ее лицо озарилось неожиданно лукавой и широкой улыбкой. – Мы с Джимми всю жизнь действуем заодно. А если вы пишете книгу о фольклоре, то в этом смысле здесь у нас просто великолепное местечко. Тут еще вспоминают самые разные старинные легенды, и окрестности у нас весьма живописны.

– Великолепно, – одобрительно произнес Люк.

Они направились к дому. Фитцвильям опять украдкой окинул взглядом фасад. Теперь под кричащей вычурностью нового строения он разглядел скрытые и сглаженные строгие черты первоначального стиля эпохи королевы Анны[13 - Имеется в виду исходный стиль времен королевы Анны начала XVIII в., с присущими ему чертами английской классической холодности и строгих геометрических форм.]. Ему вспомнилось, как Джимми упомянул о том, что этот особняк изначально принадлежал семье Бриджит.

«Да уж, – мрачно подумал Фитцвильям, – такие излишества в те времена не одобряли».

Искося глянув на четкие линии профиля бывшей хозяйки, на ее узкие красивые руки, Люк углубился в размышления.

По его предположениям, ей могло быть лет двадцать восемь, от силы двадцать девять. Вероятно, она далеко не глупа. И скорее всего, принадлежит к тем скрытным натурам, о которых вы ничего не сможете толком узнать, пока те сами не захотят приоткрыться...

Интерьер дома выглядел уютно, отделка свидетельствовала о хорошем вкусе первоклассного декоратора. Бриджит Конуэй привела гостя в комнату с книжными шкафами и удобными креслами, где за столиком у окна уже пили чай двое обитателей дома.

– Гордон, позвольте представить вам Люка, – сказала она, – кузена одного из моих кузенов.

Лорд Уитфилд оказался толстопузым лысеющим коротышкой. Его округлое лицо с пухлыми губами и глазами цвета вареного крыжовника излучало наивное простодушие. Впечатление дополнял и небрежного вида сельский наряд. Такая одежда нелепо смотрелась на его фигуре, подчеркивая объемистый живот.

Он любезно приветствовал Люка.

– Рад видеть вас... весьма рад. Как я слышал, вы недавно вернулись с Востока? Интересные края. Бриджит сообщила мне, что вы пишете книгу. Говорят, в наши дни пишется слишком много книг. А вот я не согласен, знаете ли... для хорошей новой книги в доме всегда найдется место.

– Моя тетушка, миссис Анструтер, – вновь вступила в разговор Бриджит, и Люк обменялся рукопожатием с особой средних лет, одарившей его глуповатой улыбкой.

Миссис Анструтер, как вскоре узнал Люк, была душой и телом предана садоводству. Она никогда не говорила ни о чем другом, и ее ум постоянно занимали мысли о том, хорошо ли приживется то или иное редкое растение в том месте, где она собиралась посадить его.

После завершения ритуала знакомства она сразу заявила:

– Вы знаете, Гордон, по-моему, за розарием есть идеальное место для альпинария[14 - Альпинарий, или альпийская горка, – участок, на котором выращивают растения, характерные для альпийского и субальпийского пояса, а также растения-литофиты. Обычно в середине альпийской горки устанавливают крупный камень, символизирующий горную вершину.], там вы сможете устроить удивительно живописный водоем со стекающими с горок ручейками и водопадами.

Лорд Уитфилд откинулся на спинку кресла.

– Все это вы обсудите с Бриджит, – непринужденно заявил он. – На мой взгляд, на горках вырастают лишь уродливые карлики... впрочем, не важно...

– Видимо, Гордон, – заметила Бриджит, – альпийские растения кажутся вам недостаточно величественными.

Она налила чай Люку, а лорд Уитфилд спокойно ответил:

– Верно. Они не принадлежат к тем видам, что стоят заплаченных за них денег. Какие-то мелкие фитюльки, их и не разглядишь-то без бинокля... Мне лично нравятся густые заросли в оранжереях или пышные клумбы с пурпурными геранями.

Миссис Анструтер, обладавшая *par excellence*[15 - Поистине, в высшей степени, в полном смысле слова (фр.).] даром продолжать гнуть свою линию разговора, не слыша никаких возражений, воодушевленно изрекла:

– Полагаю, вот этот новый гелиантемум апеннинский превосходно приживется в нашем климате, – и она вновь углубилась в изучение каталога.

Коренастый лорд Уитфилд откинулся на спинку стула и, потягивая чай, оценивающе разглядывал Люка.

– Так вы, значит, пишете книги, – пробурчал он.

Слегка нервничая, Фитцвильям уже собирался приступить к объяснениям, когда вдруг осознал, что лорд Уитфилд вовсе не ждет от него никакого ответа.

– Я и сам частенько подумывал, – самодовольно продолжил его светлость, – заняться сочинительством.

– В самом деле? – изобразив интерес, произнес Люк.

– И заметьте, способностей у меня предостаточно, – продолжил лорд Уитфилд. – Да, моя книга могла бы получиться весьма увлекательной. Я общался с множеством замечательных людей. Трудность в том, что у меня совсем нет времени. Я – крайне занятой человек.

– Это серьезная помеха. Должно быть, у вас много дел.

– Вы не поверите, какой груз я взвалил себе на плечи, – сказал лорд Уитфилд. – Я сам проверяю каждую публикацию в моих изданиях. И считаю, что лично несу ответственность за формирование общественного мнения. На следующей неделе миллионы людей будут думать и чувствовать именно то, что я предназначил им чувствовать и думать. Это наводит на серьезные размышления. На мне лежит большая ответственность. В общем, я не против такой ответственности. Она меня не пугает. Я способен действовать со всей ответственностью.

Лорд Уитфилд выпятил грудь, пытаясь одновременно втянуть живот, и с пристальной благожелательностью глянул на Люка.

– Да, Гордон, вы – великий человек, – небрежно обронила Бриджит Конуэй. – Добавить вам чаю?

– Да, я – великий человек, – легко согласился лорд Уитфилд. – А чаю, пожалуй, мне больше не хочется.

Затем, спускаясь с олимпийских высот на землю простых смертных, он любезно обратился к гостю:

– Вы знакомы с кем-нибудь в наших краях?

Люк покачал головой. Но, повинувшись внезапному импульсу и осознанию того, что чем скорее он приступит к делу, тем будет лучше, добавил:

– Хотя у вас здесь живет один человек, к которому я обещал заглянуть... по меньшей мере... к другу моих друзей. Его зовут Хамблби. Он – врач и практикует здесь у вас.

– Ах! – Лорд Уитфилд выпрямился, с трудом оторвавшись от спинки кресла. – Доктор Хамблби? Жаль, жаль...

– Почему жаль?

– Так ведь он умер около недели назад, – пояснил хозяин дома.

– О боже! – воскликнул Люк. – Какая жалость.

– Не думаю, что вы сочли бы его приятным в общении человеком, – заметил лорд Уитфилд. – Самоуверенный, противный и бестолковый старый дурак.

– Сие означает, – вставила Бриджит, – что его взгляды не совпадали со взглядами Гордона.

– Да, в проблемах нашего водоснабжения, – подхватил лорд Уитфилд. – Могу заверить вас, мистер Фитцвильям, что я деятельно забочусь об общественном благе. Меня особо волнует благоденствие нашего городка. Я ведь здесь родился. Да-да, знаете ли, родился в этом самом городке...

Люк с досадой осознал, что они отбросили разговор о докторе Хамблби и вернулись к теме возвеличивания лорда Уитфилда.

– Я не стыжусь своего происхождения и не скрываю его, – продолжил сей достигший успеха джентльмен. – На мою долю не выпало никаких ваших столичных преимуществ. Батюшка мой держал обувную лавку... да, скромную обувную лавчонку. В детстве мне и самому приходилось помогать ему в лавке. Да, Фитцвильям, всех земных благ я достиг исключительно благодаря моим собственным трудам и талантам. Я вознамерился выбраться из проторенной колеи... и проложил в результате свою собственную новую дорогу. Упорство, усердный труд и упование на божью помощь – таковы три кита моего успеха! Они помогли мне стать тем, кем я стал ныне.

Заботясь о благе Люка, лорд Уитфилд изложил ему исчерпывающие подробности своей карьеры и торжествующе заключил:

– И вот он я – весь перед вами, и пусть целый мир узнает, как я достиг столь высокого положения! Я не стыжусь своего происхождения... мне решительно нечего стыдиться... я вернулся туда, где родился. А вам известно, что теперь находится там, где раньше стояла лавчонка моего папаши? Прекрасное здание, построенное на мои средства и подаренное мной городу, – там теперь разместились общественные заведения и Мужской клуб, устроенные по последнему слову техники. Все спроектировано лучшим архитектором нашего графства! Должен сказать, что он не перетрудился с нашим проектом... его творение, на мой взгляд, выглядит простовато и невзрачно, будто какой-то рабочий дом или даже тюрьма... но, людям, говорят, нравится, поэтому пришлось смириться с общим мнением.

– Не расстраивайтесь, – бросила Бриджит. – Зато вам удалось развернуться в полную силу с этим особняком!

Лорд Уитфилд усмехнулся с довольным видом.

– Да, мне и здесь пытались вставить палки в колеса! Навязывали сохранение исходного стиля здания. Но я решительно воспротивился – мне ведь самому предстояло жить здесь; так надо же было показать, какую красоту можно сотворить, если не жалеть денег! Когда архитектор не захотел следовать моим указаниям, я уволил его и нанял другого. И новый парень в итоге отлично понял мои задумки.

– Он угождал самым немыслимым полетам вашей фантазии, – сухо заметила Бриджит.

– Разумеется, ей хотелось, чтобы все здесь осталось по-старому, – откликнулся лорд Уитфилд, похлопав невесту по плечу. – Бессмысленно жить прошлым, моя дорогая. Георгианский стиль изжил себя, в те времена многого не понимали. Меня совершенно не впечатляют скучные строения из красного кирпича. Я всегда мечтал о роскошном замке... и вот теперь я живу в нем! – гордо воскликнул он и прибавил: – Понятно, что мой собственный вкус не отличается классической утонченностью, поэтому я дал одной солидной фирме карт-бланш на внутреннюю отделку, и надо признать, они справились неплохо... хотя кое-

что, по-моему, могло бы выглядеть более впечатляюще.

– Что ж, – сказал Люк, слегка затрудняясь с ответным словом, – превосходно, когда человек знает, чего хочет.

– И обычно к тому же я получаю именно то, что хочу, – с тихой ликующей усмешкой заявил хозяин.

– Вы едва смогли добиться желанного проекта водного обеспечения, – напомнила Бриджит.

– О, ерунда! – фыркнул лорд Уитфилд. – Это все из-за глупых придирок Хамблби. К старости люди становятся просто тупыми упрямыми. Не желают прислушиваться к доводам разума.

– Видимо, доктор Хамблби весьма откровенно выражал свои мысли, – рискнул предположить Люк. – Полагаю, что тем самым он приобрел себе здесь много врагов.

– Н-нет, вряд ли так можно сказать, – задумчиво возразил лорд Уитфилд, почесывая нос. – Как по-вашему, Бриджит?

– Мне казалось, что он пользуется всеобщей популярностью, – сказала девушка. – Я познакомилась с ним недавно, когда ему пришлось лечить мою вывихнутую лодыжку, но он произвел на меня приятное впечатление.

– М-да, в общем, он пользовался популярностью, – признал лорд Уитфилд. – Хотя я знаю парочку людей, которые недолюбливали его. Опять же из-за тупого упрямства.

– Парочка местных жителей?

Хозяин дома кивнул.

– В таких городках обычно хватает противоборствующих группировок, как и причин для мелких разногласий, – пояснил он.

– Верно; полагаю, вы правы, – согласился Люк.

Он помедлил, сомневаясь, удобно ли задать очередной вопрос.

– А интересно, какого рода люди в основном живут в вашем городке?

Вопрос представлялся ему не слишком удачным, но зато он вдруг получил мгновенный ответ.

– В основном реликты, чуждые веяниям нового времени, – ответила Бриджит. – Дочери, сестры и жены священников. То же самое касается врачей. И на каждого мужчину здесь приходится примерно по шесть женщин.

– Но все-таки мужское население не совсем перевелось? – рискнул спросить Люк.

– О нет, есть у нас адвокат, мистер Эббот, и молодой доктор Томас, преемник доктора Хамблби; и, кстати, наш приходской священник, мистер Уэйк... кто же еще, Гордон? Ах да, мистер Элсуорси держит антикварную лавку, слащаво любезный тип! А наш майор Хортон увлечен в основном лишь своими бульдогами.

– Мои друзья упоминали еще кое-кого, – заметил Люк. – Рассказывали про одну милую старую деву... правда, очень болтливую...

Бриджит рассмеялась:

– Таких болтушек тут половина женского населения!

– У нее, правда, какая-то своеобразная фамилия... – задумчиво произнес Люк. – Точно, вспомнил... Пинкертон.

– Да уж, везунчиком вас не назовешь! – хрипловато усмехнувшись, заявил лорд Уитфилд. – Она тоже умерла. Недавно попала в Лондоне под колеса автомобиля. Ее задавили насмерть.

– Похоже, у вас тут многовато людей умирает, – небрежно бросил Люк.

– Вовсе нет, – мгновенно возмутился лорд Уитфилд. – Наша местность считается одной из самых здоровых и благотворных во всей Англии. Не будем же мы брать в расчет несчастные случаи. Они могут произойти где угодно и с кем угодно.

– На самом деле, Гордон, за прошлый год у нас тут умерло довольно много людей, – задумчиво возразила Бриджит. – Вспомните, сколько было похорон...

– Чепуха, дорогая.

– А что, доктор Хамблби тоже умер от несчастного случая?

– Нет, нет, – покачав головой, ответил лорд Уитфилд. – Хамблби умер от сильного заражения крови. Такое могло произойти с любым врачом. Поцарапал палец ржавым гвоздем или какой-то железкой... не обратил внимания на царапину, а она обернулась сепсисом. Он сгорел за три дня.

– Да, врачи порой бывают весьма беспечны, – согласилась Бриджит. – И разумеется, я полагаю, что они гораздо больше подвержены опасности инфекций, если не соблюдают должной осторожности. Хотя это печальное событие. Его жена просто убита горем.

– Бесплезно противиться воле провидения, – глубокомысленно изрек лорд Уитфилд.

II

«При чем тут воля провидения? – позднее, переодеваясь к ужину, задался вопросом Люк. – Заражение крови? Возможный вариант... Хотя это весьма неожиданная смерть».

И в его памяти всплыло замечание, задумчиво брошенное Бриджит Конуэй: «За прошлый год у нас тут умерло довольно много людей».

Люк приступает к расследованию

На следующее утро, тщательно обдумав план расследования и горя желанием незамедлительно приступить к его осуществлению, Фитцвильям спустился к завтраку.

Помешанной на садоводстве тетушки за столом не оказалось, но лорд Уитфилд еще подкреплялся пирогом с почками, попивая кофе, а Бриджит Конуэй, уже закончив трапезу, стояла у окна, глядя в сад.

После обмена утренними приветствиями Люк сел за стол перед тарелкой с солидной порцией яичницы с беконом и энергично заявил:

– Пора мне приступать к работе. Трудновато, конечно, приходится, пока сумеешь вызвать людей на доверительный разговор. Разумеется, я не имею в виду... таких людей, как вы и... э-э... Бриджит. (Он вовремя вспомнил, что неуместно будет назвать ее мисс Конуэй.) Вы поделились бы со мной своими знаниями... только сложность в том, что вы ничего не знаете о том, что мне нужно... то есть о местных суевериях или языческих ритуалах. Вряд ли вы можете даже представить, сколько еще суеверий сохранилось в глухих уголках нашего мира. Да, кстати, есть одно такое местечко в Девоншире. Приходскому священнику пришлось убрать древние гранитные менгиры, стоявшие около церкви, поскольку всякий раз, когда кто-то умирал, жители упорно устраивали вокруг них ритуальные шествия. Удивительно, как долго люди держатся за древние языческие обряды.

– Смею заметить, вы совершенно правы, – согласился лорд Уитфилд. – Общее образование – вот в чем остро нуждаются люди. А я говорил вам, что подарил нашему городку превосходную библиотеку? Раньше это был просто старый особняк – его продавали за бесценок, – а теперь там одна из лучших библиотек и...

Люк решил подавить желание лорда Уитфилда повернуть разговор на свои деяния.

– Великолепно, – искренне одобрил он. – Славное начинание. Вы, очевидно, осознали, насколько глубоки корни здешнего невежества. Хотя, в свете

задуманной книги, именно оно-то, разумеется, и интересует меня. Древние обычаи... бабушкины сказки, легенды, восходящие ко временам языческих обрядов, такие как... – далее последовал почти дословный пересказ целой страницы из книги, прочитанной Люком специально для этого случая. –

Наиболее перспективными представляются мне обычаи, связанные с уходом в иной мир, – заключил он. – Погребальные обряды и традиции неизменно более живучи, чем прочие. Кроме того, по той или иной причине сельские жители любят поговорить о смерти.

– Да, они обожают похороны, – поддержала его Бриджит, поворачиваясь от окна.

– Вероятно, как раз с них я мог бы и начать свои изыскания, – продолжил Люк. – Если мне удастся раздобыть список недавних кончин в приходе, выйти на ближайших родственников и побеседовать с ними, то, наверное, вскоре у меня появятся примечательные сведения по фольклорной тематике. У кого мне удобнее получить такую информацию... возможно, у священника?

– Мистер Уэйк, вероятно, очень заинтересуется вашим исследованием, – заметила Бриджит. – Он весьма общителен и увлекается древностями. По-моему, он предоставит вам много полезных сведений.

Люк испытал легкую тревогу, но успокоил себя надеждой на то, что познания священника в древностях окажутся не столь глубокими для разоблачения его собственных дилетантских претензий.

– Отлично, – воодушевленно произнес он вслух. – А вы, полагаю, вряд ли помните, кто из жителей у вас тут умер за последний год?

– Дайте подумать, – пробормотала Бриджит. – Для начала, конечно, Картер. Он был владельцем «Большой медведицы», отвратительной пивнушки у реки.

– Негодяй и пьянчуга, – буркнул лорд Уитфилд. – Один из заядлых социалистов, злобный грубиян, туда ему и дорога.

– Еще миссис Роуз, прачка, – продолжила Бриджит. – И юный Томми Пирс, противный хулиган, если хотите знать... Ох, конечно, та бедная девушка, Эми... забыла, как же ее фамилия?.. – Ее голос слегка дрогнул, когда она произнесла последнее имя.

– Эми? – повторил Люк.

– Вспомнила: Эми Гиббс. Она служила у нас горничной, а потом перешла к мисс Уэйнфлейт. По этому делу даже велось следствие.

– А что произошло?

– Глупая девица перепутала в темноте какие-то пузырьки, – бросил лорд Уитфилд.

– Думала, что принимает микстуру от кашля, а это оказалась краска для шляп, – пояснила Бриджит.

Люк изумленно вскинул брови.

– Какая трагедия!

– Поговаривали, что она могла поступить так намеренно. Из-за ссоры с молодым человеком, – медленно, почти неохотно добавила Бриджит.

Возникла молчаливая пауза. Фитцвильям интуитивно почувствовал, что атмосфера в столовой отягчена какими-то невысказанными мыслями.

«Эми Гиббс? – подумал он. – Верно, такое имя тоже упоминала покойная мисс Пинкертон. Она также говорила о мальчишке – каком-то Томми, – о котором, видимо, была невысокого мнения (и его, похоже, разделяет Бриджит)». И конечно... он почти не сомневался, что фамилия Картера тоже упоминалась.

– От таких разговоров может и аппетит пропасть, – вставая из-за стола, беспечно бросил Люк. – Но меня привлекают не только кладбищенские истории. Не менее интересны свадебные традиции, хотя гораздо труднее непринужденно заводить разговор на столь животрепещущие личные темы.

– Вполне допускаю, что вы правы, – согласилась Бриджит, слегка скривив губы.

– Однако есть и иные увлекательные обряды, типа колдовских заговоров или сглаза, – с притворным воодушевлением продолжил Люк. – О подобных суевериях частенько судачат в патриархальной глубинке. А здесь у вас ничего не слышно про них?

Лорд Уитфилд медленно покачал головой.

– Вряд ли нам стоило прислушиваться к таким глупостям, – вяло произнесла Бриджит.

– Да, безусловно, – подхватил Фитцвильям, едва ли не дав ей договорить. – Ради подобных сведений мне следует погрузиться в жизнь простых поселян. Загляну-ка я для начала к священнику, посмотрю, что мне удастся у него узнать. Потом, возможно, стоит зайти в ту пивную... по-моему, вы называли ее «Большой медведицей», верно? И кстати, может, что-то выясню о проделках того юного хулигана. У него остались скорбящие родственники?

– Миссис Пирс держит табачно-газетную лавку на Хай-стрит[16 - Традиционное название для центральной улицы городков старой Англии.].

– А вот это уже настоящая удача, – оживился Люк. – Ладно, пора отправляться в путь...

Легкой изящной походкой Бриджит направилась в его сторону.

– Полагаю, – сказала она, – я могла бы составить вам компанию, если вы не возражаете.

– Конечно, нет! – после короткой заминки воскликнул он как можно радостнее, хотя усомнился, что Бриджит не заметила его легкого замешательства. Без настороженного и проницательного ума стороннего наблюдателя ему, возможно, удалось бы легче найти общий язык с пожилым священником, коллекционирующим древности. «Ну и ладно, – подумал Фитцвильям, – придется мне постараться врать убедительно».

– Тогда, Люк, пожалуйста, подождите меня минутку, – попросила Бриджит, – я только сменю туфли.

Она с такой легкостью обратилась к нему по имени, что он невольно испытал странное удовольствие. Однако, как еще она могла бы назвать его? Раз уж Бриджит согласилась участвовать в «родственном» плане Джимми, то вряд ли могла называть его мистером Фитцвильямом. С внезапной тревогой Люк подумал: «Интересно, что она думает обо всем этом? Господи, что же она может вообразить?» Как ни странно, раньше его это не беспокоило. Кузина Джимми казалась ему удобной абстрактной фигурой – как некий нереальный персонаж. Едва ли он пытался представить ее себе – просто принял авторитетное заявление своего друга, заверившего, что «Бриджит легко все устроит».

Люк думал о ней – если вообще думал, – как о хрупкой белокурой секретарше, достаточно предприимчивой, чтобы суметь завладеть сердцем богача. А вместо этого у нее оказался сильный характер и острый ясный ум, и Люк не имел ни малейшего представления, какое у нее сложилось о нем мнение. «Пожалуй, – подумал он, – она не из тех простушек, которых легко обмануть».

– Вот я и готова. – Бриджит подошла к нему так тихо, что он не услышал ее приближения.

Она не захватила никакой шляпки, даже не покрыла волосы сеточкой. И когда молодые люди вышли из дома, вылетевший из-за угла этого уродливого подобия замка ветер с внезапным неистовством взметнул ее длинные черные волосы и закрыл, точно густой вуалью лицо.

– Я помогу вам найти дорогу, – с улыбкой заметила она.

– Очень любезно с вашей стороны, – вежливо ответил он.

И ему показалось, возможно, только показалось, что по ее губам промелькнула ироничная улыбочка.

Оглянувшись на зубчатые стены, Люк раздраженно произнес:

– Какое уродство! Неужели никто не мог отговорить его?

– Дом англичанина – его крепость, а в случае Гордона это следует понимать буквально! Он обожает эту твердыню.

– Ведь это, по-моему, ваш бывший родной дом, – невольно заметил Фитцвильям, сознавая, как бестактно прозвучит его замечание. – Неужели вы тоже «обожаете» его в нынешнем виде?

Бриджит взглянула на него спокойным, слегка удивленным взглядом.

– Мне не хочется разрушать сентиментальный образ, сложившийся в вашей голове, – пробормотала она, – но на самом деле меня увезли из этого дома в два с половиной года, поэтому, как вы понимаете, мотив ностальгии по родному старому дому для меня неприемлем. Я даже не помню, что когда-то жила здесь.

– Вы правы, – согласился Люк. – Простите, что опустился до киношного романтизма.

– Реальная жизнь, – рассмеявшись, заметила Бриджит, – редко бывает романтической.

Горькая насмешка, прозвучавшая в ее голосе, поразила Люка. Благодаря южному загару краска смущения проявилась не слишком заметно, но внезапно он осознал, что эта горечь не связана с ним. Она насмеялась над собой, над собственной горькой обидой. Люк мудро промолчал. Однако глубоко задумался о судьбе Бриджит Конуэй...

Через пять минут они подошли к местной церкви и соседствующему с ней дому священника. Последний находился в кабинете.

Альфред Уэйк, низкорослый и сутулый пожилой человек с кроткими голубыми глазами, встретил их рассеянной, но любезной улыбкой. Видимо, его порадовал и в то же время слегка удивил их визит.

– Мистер Фитцвильям приехал погостить к нам в Эш-мэнор, – сказала Бриджит, – и ему хотелось бы посоветоваться с вами по поводу задуманной им книги.

Мистер Уэйк перевел заинтересованный взгляд на представленного молодого писателя, и Люк тут же пустился в пространные объяснения.

Он нервничал по двум причинам. Во-первых, этот пожилой священник, несомненно, обладал гораздо более глубокими познаниями о фольклоре и языческих обрядах и традициях, чем мог приобрести человек, поспешно просмотревший и заучивший кое-какие сведения из первых попавшихся книжек. А во-вторых, Бриджит Конуэй тоже внимательно слушала его.

Вскоре Люк с облегчением узнал, что мистер Уэйк увлекается в основном римским наследием. Он сам кротко признался, что крайне поверхностно знаком со средневековым фольклором и колдовством. Упомянув о некоторых сведениях из истории Уичвуда, священник сказал, что готов показать Люку особую террасу на холме, где, по преданиям, проводились шабаши, но с сожалением добавил, что сам не располагает подробностями о тех событиях.

Втайне испытав большое облегчение, Люк изобразил на лице легкое разочарование и перевел разговор на языческие ритуалы, связанные с переходом в мир иной.

– Боюсь, мне пристало быть последним, кто мог бы что-то знать о них, – спокойно покачав головой, заметил священник. – Заботливые прихожане берегут мои уши от возможных неортодоксальных взглядов.

– Это вполне разумно, конечно.

– Хотя в то же время я не сомневаюсь, что разнообразные суеверия у нас продолжают процветать. Сельские общины крайне консервативны, особенно в привязанности к старине-матушке.

– Я просил мисс Конуэй припомнить недавних умерших, – собравшись с духом, заявил Люк. – Мне подумалось, что в связи с ними может выясниться нечто интересное. Надеюсь, вы можете предоставить мне некоторые данные, а я попытаюсь наметить по ним путь исследований.

– Да-да, это я могу устроить. Тут вам поможет наш Джайлз, церковный сторож, отличный малый; правда, к сожалению, туговат на ухо. Дайте-ка подумать... Да, по-моему, довольно много... довольно много у нас было потерь... коварная весна, знаете ли, а до этого суровая зима... поэтому произошло много прискорбных случаев... словно мы попали в какую-то черную полосу... какая-то беспросветная череда несчастий.

– Порой, – заметил Люк, – череду несчастий приписывают присутствию какого-то грешного персонажа.

– Да-да. Ветхозаветный грех Ионы... Но я не думаю, что у нас тут действовали какие-то чужаки... иными словами, не наезжал к нам никто выделяющийся своими грехами, и я определенно не слышал никаких слухов о таком проявлении... хотя опять же, как я уже говорил, вероятно, мне и не пристало. Теперь давайте вспомним... совсем недавно мы потеряли доктора Хамблби и бедную Лавинию Пинкертон... м-да, прекрасный человек, доктор Хамблби...

– Мистер Фитцвильям знаком с его друзьями, – вставила Бриджит.

– Неужели?.. Как печально... Его потеря для многих стала ударом. У него было много друзей.

– Но наверняка имелись также и недруги, – сказал Люк и поспешно добавил: – Я рассудил так только потому, что слышал разное от моих друзей.

Мистер Уэйк вздохнул.

– Когда человек откровенно высказывает то, что думает... причем не всегда, скажем так, тактично... – он удрученно покачал головой, – то его поведение вызывает у некоторых людей возмущение. Но простые селяне очень любили его.

– Знаете, – небрежно сказал Люк, – мне всегда казалось, что одна из самых горьких пилюль, которые нам приходится принимать в жизни, заключается в том, что смерть любого человека для кого-то оборачивается выгодой... я имею в виду не только материальную...

Священник задумчиво кивнул.

– Да, я понимаю, что вы имели в виду. Обычно в некрологах пишут, что все скорбят о потере, но, боюсь, эти слова крайне редко правдивы. В случае доктора Хамблби, никто не отрицает, что положение доктора Томаса заметно улучшится в связи с кончиной его коллеги.

– Отчего же, интересно?

– Томас, по-моему, вполне квалифицированный врач... конечно, и сам Хамблби всегда так говорил, но этому новичку здесь у нас не слишком доверяли. Мне кажется, ему приходилось довольствоваться второстепенным положением, поскольку Хамблби обладал большим влиянием и несомненным личным обаянием. На его фоне Томас выглядел весьма бледно. Он не умеет производить выгодное впечатление на пациентов. По-моему, к тому же он сам переживал из-за этого, чем усугублял собственную непопулярность, становясь более нервным и косноязычным. Собственно говоря, я даже уже заметил в нем разительные перемены. Больше апломба... больше проявлений индивидуальности. Видимо, он почувствовал себя более уверенно. Полагаю, у них с Хамблби нередко возникали разногласия. Томас придерживался исключительно новейших методов лечения, а Хамблби предпочитал лечить по старинке. Они частенько горячо спорили из-за этого... а также и из-за более личных дел... Впрочем, не будем сплетничать...

– А вот мне кажется, – спокойно и отчетливо произнесла Бриджит, – что мистеру Фитцвильяму как раз хотелось бы услышать от вас кое-какие сплетни.

Люк стрельнул в нее встревоженным взглядом.

Мистер Уэйк с сомнением покачал головой и продолжил с легкой укоризненной улыбкой:

– К сожалению, некоторые привыкли совать любопытные носы в дела соседей. Дочь Хамблби, Роуз, выросла в очень симпатичную девушку. Неудивительно, что она пришлась по душе Джоффри Томасу. И разумеется, точка зрения на сей счет Хамблби вполне понятна – у такой молодой девушки в нашем городке нет особых шансов познакомиться с разными интересными кавалерами.

– Так он возражал? – спросил Люк.

– Весьма решительно. Говорил, что они еще слишком молоды. Естественно, молодым людям всегда обидно слышать такое! Поэтому между коллегами определенно сложились более чем прохладные отношения. Но должен добавить, что доктора Томаса, безусловно, глубоко опечалила неожиданная смерть Хамблби.

– Заражение крови, как сообщил мне лорд Уитфилд.

– Да... причем пошло оно от легкой царапины. Профессия врача, мистер Фитцвильям, вообще сопряжена с большим риском для жизни.

– Да, действительно, – охотно согласился Люк.

– Однако, – вздрогнув, заметил священник, – что-то я далеко отклонился от темы нашей беседы. Старики, к сожалению, любят посплетничать. Так мы говорили о пережитках языческих погребальных обрядов и недавних кончинах... Среди них и Лавиния Пинкертон – одна из самых благожелательных помощниц нашего прихода. Немногом раньше несчастье приключилось с бедняжкой Эми Гиббс... кстати, мистер Фитцвильям, в этом случае вам, возможно, удастся обнаружить что-то для ваших изысканий... вы понимаете, возникло подозрение – правда только подозрение, – что это могло быть самоубийство, а такой уход обычно связан с суеверными страхами и обрядами. Здесь живет ее тетушка... не слишком, к сожалению, благочестивая особа, к тому же она не испытывала родственной любви к племяннице... зато очень любит потрепать языком.

– Ценное качество, – пробормотал Люк.

– До этого еще погиб Томми Пирс – одно время он пел в церковном хоре – прекрасный дискант... просто ангельский тембр... но в остальном, увы, далеко не ангельский характер. В итоге нам пришлось избавиться от него, он дурно влиял на поведение других мальчиков хора. Бедный парень, к сожалению, его везде недолюбливали. Уволили даже с почты, где он работал разносчиком телеграмм. Одно время Томми помогал в конторе мистеру Эбботу, и вновь очень скоро его выгнали... по-моему, из-за излишнего любопытства к конфиденциальным документам. Потом, разумеется, он подрабатывал помощником садовника в Эш-мэноре, не так ли, мисс Конуэй, и лорду Уитфилду пришлось прогнать его за вопиющую дерзость. Мне искренне жаль его матушку... весьма достойная и благочестивая труженица. Мисс Уэйнфлейт очень любезно предложила дать ему временную работу по мойке окон. Лорд Уитфилд сначала возражал, а потом вдруг сменил гнев на милость... право, лучше б он не соглашался, его милость обернулась несчастьем.

– Почему?

– Потому что из-за этого парнишка и погиб. Он мыл окна на верхнем этаже библиотеки (в том бывшем особняке, как вы знаете) и опять, видимо, начал

шалить... то ли приплясывал на подоконнике, то ли еще как-то дурачился... наверное, потерял равновесие или голова закружилась, вот он и выпал из окна. Скверная история! Бедняга так и не пришел в сознание; его доставили в больницу, но он умер через несколько часов.

– А кто-нибудь видел, как он выпал? – с интересом произнес Люк.

– Нет. Он был не фасадные окна, а те, что выходили в сад. Согласно заключению врачей, его нашли лишь через полчаса после падения.

– А кто нашел?

– Мисс Пинкертон. Помните, я уже упоминал эту леди; к несчастью, она тоже недавно погибла в уличной аварии... Бедняжка, она жутко расстроилась. И ужасно переживала! Ей разрешили срезать какие-то ветки в саду для черенков, тогда-то она и наткнулась на парня; он лежал прямо под тем окном, откуда выпал.

– Да, должно быть, она испытала огромное потрясение, – задумчиво заметил Люк. «Более ужасное потрясение, – мысленно добавил он, – чем вы знаете».

– Прискорбно, что так безвременно обрывается молодая жизнь, – пробормотал старик, удрученно покачав головой. – Проступки Томми в основном объяснялись его кипучей жизнерадостностью.

– Он был противным хулиганом, – заявила Бриджит. – Вы же сами знаете, мистер Уэйк. Всегда мучил кошек и бродящих щенков, обижал младших ребятшек...

– Да, знаю... знаю, – священник печально покачал головой. – Но вы понимаете, дорогая мисс Конуэй, иногда жестокость порождается не столько врожденной порочностью, сколько замедленным развитием воображения. Вот почему, постигнув поведение взрослого человека с умственным развитием ребенка, вы понимаете, что хитрость и жестокость безумца вполне могут не осознаваться им самим. И как раз недостаток правильного развития, по моему убеждению, является исходной причиной основных проявлений глупейшей жестокости в современном мире. Надо правильно развивать детские способности...

Покачав головой, он развел руки.

– Да, вы правы, – произнесла Бриджит вдруг охрипшим голосом, – я понимаю, что вы имеете в виду. По-детски неразвитый человек может натворить самых страшных и ужасных дел...

Люк взглянул на нее с долей любопытства. Он не сомневался, что она вспомнила какого-то конкретного человека, и хотя лорд Уитфилд в некоторых отношениях вел себя очень по-детски, вряд ли она подумала о нем. Его можно было назвать смехотворным, но он определенно не способен ни на что ужасное и пугающее.

Фитцвильям глубоко задумался, о каком же человеке могла вспомнить сейчас Бриджит.

Глава 5

Визит к мисс Уэйнфлейт

Мистер Уэйк пробурчал себе под нос еще какие-то имена.

– Да вот еще вспомнил, кого мы потеряли... бедную миссис Роуз, старого Белла и ребенка Элкинсов, и еще Гарри Картера... не все они, правда, ходили в нашу церковь: миссис Роуз и Картер приобщились к диссентерам[17 - Диссентеры – английские протестанты, отделившиеся от англиканской церкви в XVI–XIX вв.; сектанты.]. А мартовское похолодание забрало от нас наконец старого Бена Стэнбери... он дожил до девяноста двух лет.

– Еще в апреле умерла Эми Гиббс, – напомнила Бриджит.

– Да, бедняжка... надо же было случиться такой прискорбной ошибке.

Люк внезапно заметил, что Бриджит наблюдает за ним. Увидев его взгляд, она быстро опустила глаза. «В этом явно есть что-то загадочное, – с тревогой подумал он, – и загадка как-то связана с Эми Гиббс».

Когда, простившись со священником, они вновь вышли на улицу, Люк сразу спросил:

- Так кто же такая была Эми Гиббс?

Бриджит задумчиво помолчала, не спеша с ответом. А когда заговорила, Фитцвильям заметил легкую напряженность в ее голосе.

- Я ни разу не встречала более бестолковой горничной, чем Эми.

- И поэтому ее уволили?

- Нет. Она допоздна гуляла, флиртуя с каким-то молодым кавалером. Гордон придерживается на сей счет исключительно строгих и старомодных взглядов. По его мнению, все грехи, причем вопиющие грехи, совершаются после одиннадцати вечера. Он сделал девушке замечание, а она в ответ надерзила ему!

- Миловидная девица? - поинтересовался Люк.

- Очень миловидная.

- И именно она по ошибке выпила краску для шляпок вместо микстуры от кашля?

- Да.

- Какая глупость! - рискнул высказаться Люк.

- Жуткая глупость.

- Она была глупа?

- Отнюдь, отличалась отменной сообразительностью.

Люк украдкой глянул на нее. Он пребывал в легком недоумении. Бриджит отвечала спокойно и даже равнодушно, не проявляя никакого особого интереса.

Но за ее спокойствием, как он почувствовал с уверенностью, скрывалась странная недосказанность.

В этот момент Бриджит умолкла, чтобы поздороваться с высоким мужчиной, который, сняв шляпу, приветствовал ее с сердечным дружелюбием. Обменявшись с ним парой слов, девушка представила Люка.

– Мистер Эббот, позвольте представить вам моего кузена, мистера Фитцвильяма, он гостит у нас в доме. Приехал сюда собирать материалы для своей книги.

С легким интересом Люк пригляделся к мистеру Эбботу. Насколько он помнил, у этого адвоката успел поработать Томми Пирс.

У самого Фитцвильяма сложилось какое-то странное предубеждение против всех законоведов, подогреваемое тем, что из их братии выходило слишком много политиканов. К тому же его раздражала их привычка осторожничать, не связывая себя никакими обязательствами. Местный адвокат, однако, совсем не походил на типичного законоведа – тощего крючковатора с вытянутым лицом и тонкими поджатыми губами. Мистера Эббота, крупного цветущего мужчину в твидовом костюме, отличали сердечность манер и бурная жизнерадостность в излиянии чувств. От глаз его расходились тонкие лучики морщинок, да и сами глаза смотрели более пронизательно, чем могло показаться на первый взгляд.

– Так вы задумали написать книгу? Роман?

– Скорее нечто в научно-познавательном фольклорном жанре, – ответила за Люка Бриджит.

– Тогда вы приехали в нужное местечко, – одобрительно произнес юрист. – Наши края замечательно интересны в этом плане.

– Именно так мне и дали понять, – согласился Люк. – Осмелюсь предположить, что вы тоже могли бы мне немного помочь. Наверняка вы сталкивались с любопытными старыми случаями, или вам известны какие-то интересные сохранившиеся издавна традиции...

– Ну, не уверен, насколько они интересны, хотя возможно... возможно...

- Много ли еще местных жителей верят в привидения? – спросил Люк.

- Вот этого уж точно не знаю... право, не могу сказать.

- Неужели у вас тут нет ни одного дома с привидениями?

- Увы, не слышал ни о чем подобном.

- Существуют, разумеется, детские суеверия, – задумчиво произнес Люк. – К примеру, говорят, что умершие мальчики... в случае насильственной смерти... обычно бродят в призрачном обличье. И что интересно, заметьте, к девочкам это не относится.

- Надо же, как интересно, – откликнулся мистер Эббот, – никогда не слышал о таком прежде.

Едва ли неведение поверенного было удивительным, поскольку Люк только что придумал эту историю.

- Кажется, один местный парнишка... по-моему, его звали Томми... работал у вас одно время. У меня есть основания полагать, что некоторые склонны верить, будто его призрак бродит тут по ночам.

Краснощекое лицо мистера Эббота слегка побагровело.

- Томми Пирс? Вот уж пройдоха, бесцеремонный и назойливый наглец...

- Привидениям, видимо, и положено быть зловредными. Добропорядочные законопослушные граждане редко тревожат наш мир после своего ухода.

- И кто же видел его... что за странная история?

- Источник подобных слухов обычно трудно точно установить, – уклончиво произнес Люк. – Никто не станет открыто выступить с таким утверждением. Оно просто носится в воздухе, как говорится.

– М-да... да, полагаю, вы правы.

– И массой интересных сведений, наверное, располагают местные врачи, – ловко сменил тему Люк. – Общаясь с простыми малограмотными пациентами, они могут наслушаться самых разных баек. Про всевозможные суеверия и заклинания... вероятно, про приворотные зелья и прочие глупости.

– Вам стоит заглянуть к Томасу. Славный малый этот Томас, исключительно передовых взглядов. Выгодно отличается от бедного старины Хамблби.

– Видимо, доктор Хамблби разделял несколько консервативные взгляды?

– Редкостный упрямец... твердолобый консерватор самого крутого замеса.

– Вы с ним, говорят, крупно поспорили из-за проекта водоснабжения? – спросила Бриджит.

И вновь лицо Эббота мгновенно побагровело.

– Хамблби стоял как скала на пути прогресса, – резко заявил стряпчий, – он упорно отвергал новый проект! Причем на грубости не скупился. В общем, не стеснялся в выражениях. Порой он бросал мне такие оскорбления, что я мог бы привлечь его к суду.

– Но законники ведь никогда не доводят дело до суда, верно? Им слишком хорошо известно, каковы наши законы, – проворковала Бриджит.

Эббот разразился бурным смехом. Его гнев остыл так же быстро, как вспыхнул.

– Прекрасно сказано, мисс Бриджит! И вы недалеки от истины. Уж нам ли, законоведам, не знать, каковы законы.... Ха-ха-ха! Ладно, мне пора двигаться дальше. Позвоните мне, если сочтете, что я смогу помочь вам в чем-то, мистер... э-э...

– Фитцвильям, – подсказал Люк. – Благодарю вас, с удовольствием.

Они продолжили путь, и вскоре Бриджит произнесла:

– Ваши методы, как я заметила, заключаются в высказывании провокационных утверждений и наблюдениях за той реакцией, которую они вызывают.

– Вероятно, вы подразумеваете, – с усмешкой откликнулся Люк, – что мои методы не всегда честны.

– Это я тоже заметила.

Испытывая неловкость, Фитцвильям не знал, как лучше оправдаться. Но пока он размышлял над этим, Бриджит вдруг заявила:

– Если вам хочется побольше услышать об Эми Гиббс, я могу отвести вас к тому, кто удовлетворит ваш интерес.

– И к кому же?

– К мисс Уэйнфлейт. Покинув Эш-мэнор, Эми отправилась к ней в дом. Там она и умерла.

– Вот как... понятно... – протянул Люк в легком смущении. – Что ж... буду вам крайне признателен.

– Она живет здесь совсем рядом.

Молодые люди пересекли городской сквер. Кивнув в сторону георгианского особняка, замеченного Люком днем ранее, Бриджит сказала:

– Знаменитый когда-то частный особняк Уичвуда. Теперь в нем музей и библиотека.

Соседствующий с особняком небольшой дом по контрасту выглядел игрушечным кукольным домиком. Ступени его крыльца изумляли ослепительной белизной, дверной молоток сиял, а занавески на окнах чопорно топорщились белоснежными складками.

Открыв калитку, Бриджит приблизилась к крыльцу. В то же мгновение открылась входная дверь, и на пороге появилась пожилая женщина.

Люк сразу подумал, что перед ним классический типаж провинциальной старой девы. Худощавую фигуру в строгом твидовом костюме – юбке с жакетом – и серой шелковой блузке украшала изящная брошь с дымчатым топазом. Правильной формы голову увенчивала шляпка из доброкачественного тонкого фетра. На миловидном лице поблескивало пенсне, не скрывавшее бесспорно умного взгляда. Она напомнила Люку одну из тех легких и шустрых черных козочек, что встречаются на лугах Греции. В ее глазах отражалось сдержанное, заинтересованное удивление.

– Доброе утро, мисс Уэйнфлейт, – начала Бриджит. – Это мистер Фитцвильям. – Люк отвесил легкий поклон. – Он пишет книгу... о погребальных языческих обычаях и прочих жутких обрядах.

– О боже! – воскликнула мисс Уэйнфлейт. – На редкость увлекательная тема.

Она одарила Люка сияющей поощрительной улыбкой. Ему почему-то вспомнилась мисс Пинкертон.

– Я подумала, – продолжила Бриджит, вновь удивив Люка странной натянутостью интонации, – что вы могли бы рассказать ему что-нибудь об Эми.

– Об Эми? – шумно вздохнув, повторила мисс Уэйнфлейт. – О какой Эми? Ах, да... Эми Гиббс.

Люк заметил, как на ее лице появилась сосредоточенность. Видимо, она задумчиво оценивала, что он за человек. Наконец, словно приняв решение, мисс Уэйнфлейт отступила в прихожую.

– Пройдем в дом, – предложила она. – Я могу отложить прогулку. Нет-нет, ничего спешного, – добавила женщина в ответ на возражение Люка. – Право, у меня нет никаких неотложных дел. Просто обычная прогулка по магазинам за разными хозяйственными мелочами.

В небольшой идеально чистой гостиной витал слабый запах сушеной лаванды. На каминной полке стояло несколько приторно-сладких статуэток пастушков и пастушек из дрезденского фарфора[18 - Имеется в виду знаменитый мейсенский фарфор, произведенный в Дрездене.]. Стены украшали вставленные в рамы акварели, пара образчиков узорчатой вышивки и три вышитые гладью картины. Несколько фотографий, очевидно, запечатлели племянников и племянниц хозяйки; кроме того, бросалась в глаза добротная дорогая мебель – старинный письменный стол и несколько столиков атласного дерева стиля Чиппендейла[19 - Чиппендейл – стиль мебели XVIII в. с обилием тонкой резьбы, названный по имени краснодеревщика Т. Чиппендейла (1718–1779).] дополняла несуразная и весьма неудобная, но изящная викторианская софа[20 - Викторианский стиль мебели, присущий долгому времени правления королевы Виктории, весьма эклектичен; он объединил в себе рококо, готику, классику и экзотику, став в итоге развития тем, что принято называть выдержанным, утонченным и респектабельным английским стилем.] на кривых ножках.

Предложив гостям садиться, мисс Уэйнфлейт добавила извиняющимся тоном:

– К сожалению, сама я не курю, поэтому не держу дома никакого табака, но вы можете курить, если желаете.

Люк вежливо отказался, а Бриджит сразу закурила сигарету.

Сама мисс Уэйнфлейт устроилась в кресле с изогнутыми подлокотниками и, чопорно выпрямившись, устремила на гостя оценивающий взгляд, а через пару мгновений, видимо удовлетворившись увиденным, опустила глаза и сказала:

– Так вы хотите узнать о бедняжке Эми? Вся эта история крайне печальна и ужасно расстроила меня. Подумать только, какая трагическая ошибка...

– А разве не возникла при разбирательстве версия самоубийства? – спросил Люк.

– Нет-нет, для меня это совершенно невероятно, – мисс Уэйнфлейт энергично покачала головой. – К подобным поступкам Эми не имела никакой склонности.

– А к чему она имела склонность? – прямо спросил Люк. – Мне хотелось бы услышать ваше мнение о ней.

– Ну, конечно, никто не назвал бы ее хорошей горничной. Но, право, в наши дни вообще трудно найти домработниц, и приходится быть благодарной за любую прислугу. Все поручения она выполняла крайне небрежно и вечно стремилась поскорее улизнуть на гулянку... что ж, разумеется, молодость брала свое и таковы все современные девицы. Горничным, похоже, невдомек, что надо честно отрабатывать положенное время.

Люк изобразил понимающее сочувствие, и мисс Уэйнфлейт продолжила развивать свою тему.

– Мне вообще такие девицы не нравятся... дерзкие и наглые, хотя, конечно, теперь, когда она умерла, мне не стоило бы так говорить. Кто-то скажет, что это не по-христиански, хотя, по-моему, неразумно скрывать правду.

Люк кивнул. Насколько он понял, мисс Уэйнфлейт отличалась от мисс Пинкертон более логичным умом и рассудительностью.

– Эми любила, когда ею восхищались, – продолжила мисс Уэйнфлейт, – и много о себе воображала. Мистер Элсуорси... вот истинный джентльмен, хотя и открыл тут у нас новую антикварную лавку... так вот, он любительски занимается живописью и сделал один или два акварельных наброска с этой девицы. Полагаю, вы догадываетесь, какие идеи она забрала себе в голову. У нее появились радужные фантазии, и она даже поссорилась со своим женихом, с Джимом Харви. Он работает механиком в нашем гараже; приличный молодой человек, к тому же очень любил ее.

Сделав выразительную паузу, мисс Уэйнфлейт продолжила:

– Мне никогда не забыть той ужасной ночи. Эми пребывала не в духе; ее мучил кашель – немудрено подхватить простуду, щеголяя в дешевых шелковых чулках и туфельках на тонкой подошве! – да еще расстроили какие-то бытовые мелочи... Короче, в тот день она ходила на прием к врачу.

– К доктору Хамблби или доктору Томасу? – быстро уточнил Люк.

– Естественно, к Томасу. Она притащила от него пузырек какой-то микстуры от кашля. Полагаю, он дал ей совершенно безвредную смесь из своих запасов. Спать Эми отправилась рано, а около часу ночи, по-моему, я услышала странный

шум... и ужасный задыхающийся крик. Я поднялась к ней наверх, но она заперла дверь изнутри и на мои призывы не отвечала. Ко мне присоединилась кухарка, мы обе жутко перепугались, потом выбежали из дома. К счастью, Рид, наш констебль, как раз проходил мимо, совершая ночной обход, и мы позвали его. Он обошел дом и умудрился забраться на крышу сарая и подобраться к ее окну, а поскольку оно было открыто, то Рид легко пролез внутрь и открыл нам двери. Бедняжка, она ужасно мучилась... Врачи ничем не смогли помочь, и через несколько часов она умерла в больнице.

- А отчего... оттого что выпила краску для шляпок?

- Да. Сказали, она отравилась щавелевой кислотой. Бутылочка краски по размеру была почти такая же, как пузырек с микстурой. Пузырек стоял на столике возле умывальника, а шляпная краска - на тумбочке у кровати. Должно быть, она перепутала в темноте бутылочки и поставила краску на тумбочку, думая, что примет микстуру, если начнет сильно кашлять. Такую версию высказали после дознания.

Мисс Уэйнфлейт умолкла. Ее умные глаза пристально смотрели на Люка, и тот заметил особую многозначительность этого взгляда. Ему показалось, что она что-то не договаривает, причем у него вдруг возникло четкое ощущение, что - по какой-то причине - ей хочется, чтобы он догадался об этом.

В гостиной стояла тишина... долгая и весьма напряженная молчаливая пауза. Люк внезапно почувствовал себя актером, забывшим очередную реплику.

- Так вы уверены, что это не могло быть самоубийство? - нерешительно спросил он.

- Абсолютно уверена, - не задумываясь, заявила мисс Уэйнфлейт. - Если бы девушка решила на такой шаг, то, вероятно, купила бы что-то более подходящее. А это была лишь старая бутылочка с краской, которую Эми, вероятно, купила давно и время от времени пользовалась. И в любом случае, как я уже говорила, она никогда не страдала депрессией.

- Тогда что же с ней случилось на самом деле, как вы полагаете? - прямо спросил Люк.

– По-моему, тут виновата роковая случайность.

Поджав губы, она требовательно взглянула на него.

Пока Люк отчаянно пытался осознать, какого же отклика теперь от него ждут, произошло спасительное вмешательство. Из-за двери донеслись царапающие звуки и жалобное мяуканье.

Проворно поднявшись с кресла, мисс Уэйнфлейт быстро открыла дверь, и в гостиную тут же величественно вступил пушистый рыжий кот. Он помедлил, неодобрительно глянув на незнакомого гостя, и вспрыгнул на подлокотник кресла мисс Уэйнфлейт.

– Ну что, нагулялся, Пушок? – произнесла мисс Уэйнфлейт воркующим голосом. – И где мой гуляка шлялся целое утро?

Эта кличка глубоко взволновала Люка, вызвав смутные воспоминания. Где же он слышал о персидском коте по имени Пушок?

– Какой красивый кот... И давно он у вас?

– О нет, – покачав головой, ответила хозяйка, – он принадлежал моей старой подруге, мисс Пинкертон. Ее задавил один из этих противных новомодных автомобилей, и, разумеется, я не могла позволить, чтобы ее гуляку Пушка отдали в чужие руки. Лавиния была бы ужасно огорчена. Она просто обожала его... и он, правда ведь, настоящий красавец!

Люк искренне высказал свое восхищение.

– Только не трогайте его ушки, – предупредила мисс Уэйнфлейт. – Последнее время они у него что-то разболелись.

Люк осторожно погладил животное.

– Наверное, нам пора идти, – сказала Бриджит, поднимаясь с кресла.

Мисс Уэйнфлейт обменялась с Люком рукопожатием.

– Вероятно, – заметила она, задумчиво посмотрев на Фитцвильяма, – мы с вами увидимся в ближайшее время.

– Безусловно, – с готовностью откликнулся тот.

Ему показалось, что она выглядела озадаченной и слегка разочарованной. Ее взгляд переместился на Бриджит – быстрый, пытливый взгляд. Люк почувствовал, что особые отношения между этими женщинами пока не доступны его пониманию. Это раздосадовало его, но он пообещал себе, что в самом скором времени разберется в непонятном вопросе.

Мисс Уэйнфлейт вышла из дома вместе с ними. Люк ненадолго задержался на крыльце, с удовольствием окинув взглядом ухоженную строгую красоту цветущего парка и пруд со скользящими по воде утками.

– Удивительно, как сохранилась здесь такая природная красота, – заметил он.

Лицо мисс Уэйнфлейт оживилось.

– Да, вы правы, – пылко согласилась она. – Более того, здесь все сохранилось в том виде, какой мне помнится с детства. Вы знаете, мы ведь жили в этом особняке. Но когда он перешел по наследству к моему брату, ему вовсе не захотелось жить там... на самом деле, он просто не имел средств на содержание такого большого дома и выставил его на продажу. Какой-то подрядчик заинтересовался им, собираясь «устроить здесь прибыльное предприятие» – по моему, именно так он выразился. К счастью, вмешался лорд Уитфилд, приобрел все имение и спас его от перестройки. Благодаря его щедрости, там теперь разместились библиотека и музей, и дом остался практически без изменений. Я работаю там два раза в неделю – разумеется, на благотворительных началах, – и знаете, что за неопишное удовольствие находиться в этих старинных стенах, осознавая, что они не подверглись варварскому разрушению! Право, мистер Фитцвильям, там сохранились прекрасные интерьеры, и вы должны как-нибудь заглянуть к нам в музей. Там бывают очень интересные местные выставки.

– Непременно учту это в своих планах, мисс Уэйнфлейт.

– Лорд Уитфилд стал настоящим благодетелем для Уичвуда, – продолжила мисс Уэйнфлейт. – Меня огорчает, что среди наших жителей еще остались прискорбно неблагодарные личности.

Ее губы обидчиво поджалась. Но Люк благоразумно не стал задавать лишних вопросов. Он лишь еще раз вежливо простился с хозяйкой.

Когда они вышли за калитку, Бриджит спросила:

– Вы хотите продолжать изыскания, или мы пройдемся по берегу реки в сторону дома? Получится живописная прогулка.

Люк не замедлил с ответом. Ему определенно не хотелось продолжать свои изыскания с непосредственным участием Бриджит Конуэй.

– Прогулка по берегу, безусловно, звучит более заманчиво.

Они прошли по Хай-стрит. На одном из последних домов красовалась витиеватая вывеска с золотыми буквами – «Антиквариат». Люк замедлил шаг, вглядываясь в прохладный полумрак за окнами.

– Весьма симпатичное старинное блюдо, – заметил он. – Одна из моих тетушек обожает поливную керамику. Интересно, дорого ли за него просят?

– Может, зайдём и выясним?

– Вы не возражаете? Мне нравится заглядывать в антикварные лавки. Иногда удаётся отыскать настоящие сокровища по сходной цене.

– Сомневаюсь, что здесь вам повезет, – прозаично охладила его Бриджит. – Учтите, что Элсуорси отлично знает цену своим товарам.

Вход в лавку был гостеприимно открыт. В холле стояли стулья, диванчики и буфеты, заполненные оловянной и фарфоровой посудой. Справа и слева зияли дверные проемы, ведущие в два разных зала.

Люк прошел в левый салон и взял заинтересовавшее его старинное керамическое блюдо из красной глины, покрытое свинцовой глазурью. Смутно очерченная фигура, сидевшая в сумрачной глубине комнаты за ореховым письменным столом времен королевы Анны, немедленно поднялась и направилась в его сторону.

– Ах, дорогая мисс Конуэй, как приятно вас видеть!

– Доброе утро, мистер Элсуорси.

Последний, на редкость утонченный молодой мужчина, в одежде явно предпочитал розовато-коричневую гамму. Двигался он с жеманной грацией, а на его удлинённом бледном лице, обрамленном длинными – в артистическом стиле – черными волосами, выделялись пухлые, по-женски изогнутые губки.

Бриджит представила Люка, и мистер Элсуорси мгновенно переключил на него свое внимание.

– Подлинная средневековая английская керамика. Восхитительна, не правда ли? Знаете, я обожаю свои милые вещицы, и мне совсем не хочется расставаться с ними. С давних пор мечтал жить поближе к природе и заводить маленькой лавкой. Удивительное местечко этот Уичвуд... тут царит потрясающая атмосфера, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Для художественных натур, – пробормотала Бриджит.

Элсуорси повернулся к ней, всплеснув длинными белыми руками.

– Какая ужасная фраза, мисс Конуэй! Нет-нет, умоляю вас, не говорите, что считаете, будто я претендую на какой-то особый художественный интерес... это же невыносимо. Право, право, вы же знаете, что я не держу у себя домотканую материю и кованую утварь. Я торгую антикварными изделиями, только и всего; я – простой торговец.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Эпсомские скачки – популярные ежегодные скачки в г. Эпсом, проводящиеся там с 1780 г.

2

Жокей-клуб был основан в Англии для разведения и селекции чистокровных лошадей, объединив как отдельные организации, так и частных владельцев лошадей.

3

Цитата из стихотворения Э.А. По «Ворон», пер. Д. Мережковского.

4

Имеется в виду 349-е четверостишие из «Рубайяты», приписываемой О. Хайяму:

Если б я властелином судьбы своей стал,

Я бы всю ее заново перелистал
И, безжалостно вычеркнув скорбные строки,
Головою от радости небо достал!

(Пер. Г. Плисецкого)

5

Алан Пинкертон (1819–1884) – знаменитый американский сыщик, наиболее известен как основатель детективного агентства Пинкертона.

6

Так назывались уличные фонари – желтый мигающий шар на полосатом черно-белом столбе – по имени министра транспорта барона Лесли Гор-Белиши (1893–1957), по приказу которого в тридцатые годы и установили эти знаки в местах перехода.

7

Строчка из популярных в Англии детских народных стишков, так называемых «Песенок матушки Гусыни».

8

Устаревший вариант английского названия шмеля звучит как *humblebee*. В оригинале у автора, однако, стоит современное название – *bumblebee*; в любом случае, они фактически идентичны.

9

Традиционная просьба, завершающая некрологи, – намек на то, что лучше воздержаться от проявления видимых знаков скорби.

10

Букв.: ведьмин лес, покрытый пеплом (англ.).

11

Это заведение встречается в сборнике ранних рассказов А. Кристи «Таинственный мистер Кин». – Прим. ред.

12

Кристофер Ричард Вини Невинсон (1889–1946) – английский художник, известный представитель авангарда начала XX в.

13

Имеется в виду исходный стиль времен королевы Анны начала XVIII в., с присущими ему чертами английской классической холодности и строгих геометрических форм.

14

Альпинарий, или альпийская горка, – участок, на котором выращивают растения, характерные для альпийского и субальпийского пояса, а также растения-литофиты. Обычно в середине альпийской горки устанавливают крупный камень, символизирующий горную вершину.

15

Поистине, в высшей степени, в полном смысле слова (фр.).

16

Традиционное название для центральной улицы городков старой Англии.

17

Диссентеры – английские протестанты, отделившиеся от англиканской церкви в XVI–XIX вв.; сектанты.

18

Имеется в виду знаменитый мейсенский фарфор, произведенный в Дрездене.

19

Чиппендейл – стиль мебели XVIII в. с обилием тонкой резьбы, названный по имени краснодеревщика Т. Чиппендейла (1718–1779).

20

Викторианский стиль мебели, присущий долгому времени правления королевы Виктории, весьма эклектичен; он объединил в себе рококо, готику, классику и экзотику, став в итоге развития тем, что принято называть выдержанным, утонченным и респектабельным английским стилем.

Купить: <https://tellnovel.com/agata-kristi/ubit-legko>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)